ДЖЕК ЛОНДОН
СМОК БЕЛЬЮ
*
СМОК И МАЛЫШ
КНИЖНЫЙ КЛУБ

Джек Лондон

Смок Беллью. Смок и Малыш. Принцесса (сборник)

Серия «Джек Лондон. Собрание сочинений (Клуб семейного досуга)», книга 9

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11282640
Джек Лондон. Смок Беллью. Смок и Малыш. Принцесса.: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2011
ISBN 978-5-9910-0549-4, 978-966-14-2546-9

Аннотация

Бóльшая часть книги посвящена Смоку (Кристоферу) Беллью – интеллигентному юноше из типичной буржуазной семьи, которого жажда приключений толкнула на полный смертельных опасностей путь отчаянных золотоискателей, покорителей Клондайка. Писатель утверждает, что именно в подобных испытаниях закаляется характер и проявляются истинные качества человека.

Содержание

Смок Беллью 5
Вкус мяса 5
I 5
II 10
III 11
IV 13
V 15
VI 17
VII 17
VIII 19
Мясо 20
I 20
II 23
III 25
IV 26
V 29
VI 32
VII 34
На Бабий ручей 35
I 35
II 36
III 45
Малыш видит сны 48
I 48
II 50
III 50
IV 51
V 52
VI 53
VII 54
VIII 54
Человек на другом берегу 58
I 58
II 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Джек Лондон
Смок Беллью. Смок и Малыш. Принцесса (сборник)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008, 2011

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Смок Беллью

Вкус мяса

I

Вначале он был Христофором Беллью. Со временем в колледже его переделали в Криса Беллью. Позднее богема Сан-Франциско прозвала его Кит Беллью. А под конец никто не называл его иначе, как Смок Беллью. И эта история эволюции его имени тесно связана с историей его собственной эволюции. Но ничего подобного не случилось бы, если бы судьба не послала ему нежной матери и железного дяди, а также если бы он не получил письма от Джиллета Беллами.

«Я только что видел номер «Волны», – писал Джиллет из Парижа. – О'Хара, несомненно, добьется успеха. Однако я заметил кое-какие пробелы (тут следовали подробные указания относительно того, какие улучшения необходимо произвести в новом еженедельнике). Отправься к нему и укажи на все эти недочеты. Внуши ему, однако, что все эти соображения исходят лично от тебя. Не упоминай обо мне ни словом, ни намеком. Если он узнает, что в этом деле замешан я, он непременно сделает меня своим парижским корреспондентом. А я ни в коем случае не могу согласиться на это, ибо получаю за свои статьи наличными в толстых журналах. Главное – не забудь сказать ему, чтобы он выставил поскорее осла, которому поручил музыкальную и художественную критику. Укажи ему также, что у Сан-Франциско всегда был свой собственный литературный стиль, который, однако, пришел за последнее время в упадок. Пусть О'Хара порыщет кругом и откопает какого-нибудь не совсем бездарного писаку, который мог бы регулярно снабжать «Волну» рассказами; необходимо, чтобы в них нашли отражение подлинная романтика, блеск и колорит Сан-Франциско».

И Кит Беллью отправился в редакцию «Волны» и добросовестно выполнил возложенное на него поручение. О'Хара выслушал. О'Хара поспорил. О'Хара согласился. О'Хара выставил осла, который писал критические статьи. Наконец, О'Хара прибег к приемам, которых так опасался Джиллет в далеком Париже. Дело в том, что когда О'Хара чего-нибудь желал, ни один человек не мог ему отказать. Он действовал мягко, но так настойчиво, что сокрушал всякое сопротивление. Прежде чем Кит выбрался из редакции, он оказался его соредактором и обещал заполнять еженедельно несколько столбцов критического отдела, пока О'Хара не подыщет другого сотрудника. Кроме того, Кит обязался давать для каждого номера фельетон в десять тысяч слов – и все это без всякого вознаграждения.

– В настоящее время «Волна» не в состоянии платить своим сотрудникам, – объяснил О'Хара и тут же с неотразимой убедительностью заявил, что в Сан-Франциско имеется только один талантливый человек, настоящий фельетонист по призванию, и что человек этот – Кит Беллью.

– Черт побери! Выходит, что осел-то я! – горестно простонал Кит, спускаясь по узкой лестнице.

И с этого момента началось его рабское служение О'Хара и ненасытным столбцам «Волны». Он почти не выходил из редакции, сражался с кредиторами, ругался с типографскими рабочими и поставлял еженедельно двадцать пять тысяч слов на самые разнообразные темы. Но время шло, а облегчения не наступало. «Волна» была честолюбива. Она решила, что не может обойтись без иллюстраций. Иллюстрации – вещь дорогая. Журнал был не в

состоянии оплачивать даже Кита Беллью и уж, конечно, не мог позволить себе никакого расширения штата.

– Вот что значит быть покладистым, – проворчал однажды Кит.

– В таком случае мы должны воздать хвалу небесам за то, что они посылают нам покладистых, – со слезами на глазах воскликнул О'Хара, пожимая Киту руку. – Вы спасли меня, Кит! Не будь вас, я вылетел бы в трубу. Потерпите еще чуточку, старина, и вы увидите, как все наладится.

– Никогда этого не будет, – жалобно простонал Кит. – Я ясно вижу свою судьбу. Мне суждено торчать здесь до конца моих дней.

Скоро ему показалось, что он нашел выход. Дождавшись удобного момента, он в присутствии О'Хара споткнулся о стул. Через несколько минут он ударился об угол стола и опрокинул дрожащими пальцами баночку с клеем.

– Кутнули вчера? – осведомился О'Хара.

Кит протер глаза обеими руками и, прежде чем ответить, бросил на него испуганный взгляд.

– Нет, дело не в этом. У меня что-то неладно с глазами. Словно туман какой-то. Не пойму, с чего бы это?

В течение нескольких дней он продолжал натыкаться на все предметы конторской обстановки. Но сердце О'Хара не смягчалось.

– Послушайтесь меня, Кит, – сказал он однажды, – пойдите к окулисту. Тут есть некий доктор Хасдэпл. Собаку съел на этом деле. И лечение ни гроша не будет вам стоить. Мы заплатим ему объявлениями. Я сам переговорю с ним.

– Ваши глаза в полном порядке, – заявил доктор после внимательного осмотра. – Сказать правду, мне редко приходилось встречать такие здоровые глаза – одна пара на миллион.

– Только не говорите этого О'Хара, – взмолился Кит. – И пропишите мне темные очки.

В результате О'Хара выразил Киту сочувствие и снова с жаром стал распространяться о том времени, когда «Волна» станет на ноги.

К счастью для Кита, у него были кое-какие доходы, правда, довольно скромные, но все же они давали ему возможность состоять членом нескольких клубов и снимать мастерскую в Латинском квартале. С того времени, как он сделался соредактором «Волны», расходы его сильно сократились. У него попросту не хватало времени на то, чтобы тратить деньги. Он не переступал больше порога мастерской и перестал устраивать свои знаменитые, приготовленные на жаровне ужины, которыми он угощал прежде местную богему. Однако это не мешало ему теперь вечно сидеть без гроша, ибо «Волна», постоянно садившаяся на мель, поглощала вместе с его духовными силами и всю его наличность. Для этого имелись иллюстраторы, которые периодически отказывались давать иллюстрации, наборщики, время от времени отказывавшиеся набирать, и мальчишки-рассыльные неоднократно прекращали выполнять свои обязанности. Во всех этих случаях О'Хара умоляюще смотрел на Кита – и тот все оплачивал.

Когда пароход «Эксцельсиор» прибыл из Аляски и привез весть о клондайкских россыпях, вся страна точно обезумела, а Кит сделал своему издателю чрезвычайно легкомысленное предложение.

– Послушайте, О'Хара, – сказал он. – Эта золотая лихорадка примет, несомненно, грандиозные размеры – должно быть, снова повторятся дни сорок девятого года. Не отправиться ли мне в Клондайк в качестве корреспондента «Волны»? Издержки я возьму на себя.

О'Хара покачал головой.

– Я не могу отпустить вас, Кит. Подумайте, что станется с рассказами? Кроме того, около часа назад я встретил Джексона. Он уезжает завтра в Клондайк и дал согласие ежене-

дельно присылать нам оттуда корреспонденции и снимки. Я не отпускал его до тех пор, пока он не пообещал мне; главное же, что это нам ни гроша не будет стоить.

В тот же день Кит снова услышал о Клондайке – от своего дяди, с которым встретился в библиотечном зале клуба.

– Здорово, дядюшка! – приветствовал он его, опускаясь в кожаное кресло и с наслаждением вытягивая ноги. – Не хотите ли составить мне компанию?

Он заказал себе коктейль, а дядя удовольствовался своим излюбленным жиденьким красным вином местного производства. Он то и дело переводил неодобрительные, раздраженные взгляды с коктейля на лицо племянника, и Кит чувствовал, что над ним висит угроза неминуемой морали.

– У меня только одна минута, – поспешно заявил он. – Нужно побывать на выставке Кейта в галерее Эллери и написать полстолбца.

– Что это с тобой? – спросил дядюшка. – Лицо бледное, вид измученный…

Кит только простонал в ответ.

– Я, кажется, буду иметь удовольствие похоронить тебя. Это ясно как день.

Кит грустно покачал головой.

– Благодарю вас. Я не охотник до червей. Сожгите меня в крематории.

Джон Беллью принадлежал к тому старому, крепкому и энергичному поколению, которое в пятидесятых годах пересекло прерию в фургонах, запряженных волами. В нем была железная закваска, заложенная в детстве, которое прошло в пору освоения новой земли.

– Ты ведешь недостойную жизнь, Кристоф. Мне стыдно за тебя.

– Кучу´? Так, что ли? – усмехнулся Кит.

Старик пожал плечами.

– Перестаньте так жестоко скорбеть о моих грехах, дядюшка. Я сам был бы рад, если бы я кутил. Но с этим все давно покончено. У меня на это не хватает времени.

– Тогда что же?

– Переутомление.

Джон Беллью разразился отрывистым, недоверчивым смехом.

– В самом деле? – Новый приступ смеха.

– Человек есть продукт окружающей среды, – заявил Кит, указывая на дядюшкин стакан. – Ваше веселье такое же терпкое и жидкое, как и ваш напиток.

– Переутомление! – насмехался дядюшка. – Да ведь ты за всю жизнь и цента еще не заработал.

– Вы сильно ошибаетесь. Заработал я немало, только мне не удается получить то, что я зарабатываю. Как раз теперь я зарабатываю до пятисот долларов в неделю и работаю за четверых.

– Малюешь картины, которых никто не покупает? Или занимаешься еще какой-нибудь ерундой в том же роде?.. Ты умеешь плавать?

– Когда-то умел.

– Ездить верхом?

– Пробовал и это в свое время.

Джон Беллью фыркнул с отвращением.

– Я рад, что твой отец умер и не может видеть тебя во всем блеске твоего ничтожества, – сказал он. – Это был настоящий мужчина, до кончиков ногтей. Понимаешь? – Мужчина! Думается мне, что он живо выколотил бы из тебя все эти музыкальные и артистические бредни.

– Увы! В наши упадочные дни… – вздохнул Кит.

– Я понял бы тебя и, может быть, даже примирился со всей этой белибердой, если бы ты добился хоть в чем-нибудь успеха. Но ты не заработал в жизни ни единого цента и не сделал ничего мало-мальски путного.

– Гравюры, картины, веера, – признался Кит.

– Ты просто мазилка, да еще и неудачник к тому же. Что ты называешь картинами, хотел бы я знать? Бесцветные акварели да ужасные плакаты? Ведь тебе никогда не удавалось пристроить ничего из этой мазни на выставку хотя бы даже здесь, в Сан-Франциско.

– Ага, вот вы и забыли! Ведь одна из моих картин висит в этом самом клубе.

– Нелепейшая штука! А музыка? Твоя милейшая, но недалекая мамаша выбрасывала на твои уроки сотни долларов. Но ты и тут оказался бездарностью и неудачником. Ты ни разу не заработал хотя бы пяти долларов, проаккомпанировав кому-нибудь в концерте. А твои песенки! Жалкие пустячки, которых никто не желает издавать. Их распевают только твои же товарищи, прикидывающиеся богемой.

– Я выпустил книгу… сонеты, помните?

– А что это тебе стоило?

– Всего двести долларов.

– Чем ты еще можешь похвастаться?

– Я поставил пьесу в летнем театре.

– А что она дала тебе?

– Славу.

– А ведь ты когда-то плавал и пробовал ездить верхом!.. – Джон Беллью энергично опустил стакан на стол. – На что же ты все-таки годен, черт возьми? Ведь ты всегда был здоровым малым, а между тем я не помню, чтобы ты даже в университете увлекался футболом. Ты не греб. Ты не…

– Я занимался боксом и фехтовал… немного.

– Когда ты боксировал в последний раз?

– Да давно уже, в университетские времена. Считали, что у меня превосходный глазомер и чувство дистанции… только я… как бы это сказать…

– Ну, что?

– Товарищи, видите ли, находили, что я рассеян…

– Ты хочешь сказать – ленив?

– Мне самому казалось, что это то же самое.

– Мой отец, сэр, а ваш дедушка, Исаак Беллью, убил человека ударом кулака, когда ему было шестьдесят девять лет.

– Кому, убитому?

– Твоему дедушке, поганец. Но ты в шестьдесят девять и комара не убьешь.

– Времена изменились, дорогой дядюшка! Теперь за убийство сажают в тюрьму.

– Твой отец проскакал однажды сто восемьдесят миль верхом, ни на минуту не сомкнув глаз, и загнал трех лошадей.

– Если бы он жил в наши дни, он спокойно прохрапел бы всю дорогу в пульмановском вагоне.

Дядюшка чуть не задохнулся от негодования. Овладев собой, он с трудом выговорил:

– Сколько тебе лет?

– У меня есть основание думать…

– Я знаю. Двадцать семь. Когда ты окончил университет, тебе было двадцать два. Целых пять лет ты только и делал, что малевал, бренчал и фанфаронил. Ну, сознайся же перед Богом и людьми – на что ты теперь годен? В твоем возрасте у меня была одна-единственная смена белья. Я был объездчиком в Колузе. Я был крепок как камень и мог спать на голом камне. Питался я солониной и медвежатиной. И вот даже теперь физически я намного

крепче, чем ты. В тебе, должно быть, около ста шестидесяти пяти фунтов весу, а я хоть сейчас могу повалить тебя и превратить в лепешку вот этими кулаками.

– Что же! Для того, чтобы поглощать коктейли и жидкий чай, не требуется богатырской силы, – смиренно согласился Кит. – Разве вы не видите, дядюшка, что времена изменились. Кроме того, меня воспитывали не так, как следовало. Моя милейшая, но бестолковая мама…

Джон Беллью сердито поморщился.

– …как вы сами охарактеризовали ее, была слишком добра ко мне; она, что называется, держала меня в вате и воспитывала, как девочку. Вот видите, если бы я принимал участие в тех героических эскападах, которые вам так по душе… кстати – почему вы никогда не брали меня с собой? Ведь захватили же вы Холла и Робби, когда отправились в Сьерру и Мексику?

– Мне казалось, что ты слишком нежен.

– Это ваша вина, драгоценный дядюшка, – ваша и моей милейшей, гм… мамаши. Скажите на милость, – как же я мог закалить себя? Ведь я был всего-навсего ребенком. Что мне оставалось в жизни, кроме гравюр и вееров? Разве я виноват в том, что мне никогда не пришлось как следует попотеть?

Старик с нескрываемым презрением посмотрел на своего племянника. С него было достаточно всей этой болтовни.

– Ну, хорошо, я как раз собираюсь предпринять одну из тех эскапад, которые ты называешь героическими. Что, если бы я позвал тебя на этот раз?

– Немного поздновато, нужно признать. Куда это?

– Холл и Робби едут в Клондайк, и я собираюсь проводить их через перевал до озер. Оттуда я поверну обратно…

Он не кончил фразы: Кит вскочил на ноги и схватил его за руку.

– Спаситель мой!

Джон Беллью окинул его недоверчивым взглядом. Ему и в голову не приходило, что Кит примет его приглашение.

– Ты шутишь! – сказал он.

– Когда мы едем?

– Это тяжелое путешествие. Ты станешь обузой для нас.

– Не стану. Я буду работать. Я научился работать, поступив в «Волну».

– Каждый должен взять с собой припасов на целый год. Туда нахлынет такая уйма народу, что индейцы не справятся с переноской багажа. Мальчикам придется самим перетаскивать свое снаряжение через перевал. Вот я и хочу помочь им в этом деле. Если ты поедешь с нами, тебе придется делать то же самое.

– Я еду с вами.

– Но ведь ты не сможешь переносить тяжести, – возразил Джон Беллью.

– Когда мы отправляемся?

– Завтра.

– Не думайте, пожалуйста, что на меня так подействовала ваша проповедь, – сказал Кит на прощание. – Мне просто необходимо скрыться куда-нибудь от О’Хара.

– Кто этот О’Хара? Япошка?

– Нет. Он ирландец, рабовладелец и к тому же один из моих лучших друзей. Это издатель, собственник и величайший тиран «Волны». Все повинуется ему. Он мог бы, если бы захотел, командовать привидениями.

В этот же вечер Кит Беллью написал О’Хара записку.

«Я беру отпуск на несколько недель, – объяснял он. – Подыщите на это время кого-нибудь, кто мог бы закончить мой последний рассказ. Мне очень жаль, старина, но дело в моем здоровье. Вернувшись, я возьмусь за работу с удвоенной энергией».

II

Среди безумной суматохи Кит Беллью высадился на берег Дайи, заваленный тысячепудовым багажом тысяч людей. Эти огромные массы снаряжения и продовольствия, которые пароходы целыми грудами выбрасывали на берег, только теперь начинали понемногу переправлять вверх по долине Дайи и через Чилкут. Совершить этот переход в двадцать восемь миль можно было только на собственных ногах, перенося тяжести на спине. Индейцы-носильщики были нарасхват, несмотря на то, что цена за переноску фунта багажа подскочила с восьми центов до сорока, и всем было ясно, что наступающая зима застигнет бóльшую часть путешественников по эту сторону перевала.

Самым неприспособленным из всех неженок, высадившихся с парохода, был Кит. Подобно множеству других новичков он надел пояс с патронами, на котором болтался огромный револьвер. Дядя его, переполненный воспоминаниями о прежних опасных странствованиях, был также повинен в этом грехе. Но Кит Беллью, кроме того, был романтиком. Его пленяла игра и блеск золотой лихорадки, и он наблюдал за движением бурного людского потока глазами художника. Все это путешествие казалось ему чем-то вроде веселой экскурсии, и он еще на пароходе заявил, что не собирается похоронить себя на Севере. Он просто хотел использовать свой отпуск для того, чтобы «заглянуть» через перевал, а затем снова вернуться в лоно цивилизации.

Оставив своих спутников следить за выгрузкой багажа, Кит направился вверх по песчаному берегу к старой фактории. Сам он шел твердой поступью и с удивлением заметил, что другие, увешанные такими же револьверами, путешественники спотыкались на ходу. Его обогнал статный индеец шести футов ростом, с огромным тюком за плечами. Кит пошел за ним следом, любуясь великолепными икрами этого малого, а также грацией и непринужденностью, с которой он двигался, несмотря на тяжесть поклажи. Индеец опустил свой тюк на весы перед факторией, и Кит присоединился к толпе восхищенных зрителей, окруживших носильщика. Тюк весил сто двадцать фунтов, и эта цифра благоговейным шепотом передавалась из уст в уста.

– Не шутка! – решил Кит и тут же задал себе вопрос, сможет ли он поднять такую тяжесть да еще пойти с ней.

– На озеро Линдерман, приятель? – спросил он.

Индеец с гордым видом пробормотал что-то утвердительное.

– Сколько вы берете за такой тюк?

– Пятьдесят долларов.

Но на этом разговор оборвался. Внимание Кита привлекла девушка, стоявшая на пороге. Не в пример другим женщинам, высадившимся с парохода, она была в юбке нормальной длины и без спортивных брюк. В общем, она была одета так, как обычно одеваются женщины в дорогу. Но больше всего Кита поразила непринужденность, с которой она держала себя в этой обстановке. Он сразу почувствовал, что она здесь своя и все окружающее – родная ей стихия. К тому же она была молода и красива. Сияющая красота и прелесть ее овального лица приковали его взгляд, и он долго не отрывал его, до тех пор, пока она не почувствовала, что на нее смотрят. Ее темные, осененные длинными ресницами глаза встретились с его глазами. С лица Кита она перевела насмешливый взгляд на большой револьвер, болтавшийся у его бедра. Затем с нескрываемым презрением она снова посмотрела на него. Этот взгляд подействовал на него, как удар хлыста. Девушка обернулась и указала на Кита своему спутнику. Тот в свою очередь взглянул на Беллью, и на его лице тоже появилась презрительная усмешка.

– Чечако, – сказала девушка.

Спутник ее, похожий на бродягу в своих дешевых брюках и разодранной шерстяной куртке, сухо усмехнулся, и Кит, сам не зная почему, почувствовал себя оскорбленным. Но что бы там ни было, а она необыкновенно красивая девушка, решил он, когда те стали уходить. Он обратил внимание на ее походку и постарался запечатлеть ее в памяти, чтобы узнать девушку хотя бы через тысячу лет.

– Приметили вы этого человека с девушкой, – с жаром осведомился у Кита его сосед, – знаете, кто это?

Кит покачал головой.

– Карибу Чарли. Мне только что указали на него. Ему здорово повезло в Клондайке. Он – старожил, сидит на Юконе уже лет десять. Теперь он уезжал на время.

– Что значит чечако? – спросил в свою очередь Кит.

– Вот вы как раз и будете чечако, да и я тоже, – последовал ответ.

– Может быть, и так, но я все же не понимаю, что это значит.

– Это значит новичок, неженка.

Возвращаясь обратно на берег, Кит не переставал повторять про себя это слово. Не очень-то приятно мужчине, когда молоденькая хрупкая женщина называет его неженкой.

Зайдя за гору тюков, Кит, все еще полный воспоминаний о могучем индейце-носильщике, решил тут же испытать свои силы. Он выбрал мешок муки, в котором, как он знал, было сто фунтов весу, широко расставил ноги, нагнулся и попробовал взвалить его себе на плечи. Первой его мыслью было, что сто фунтов – порядочная тяжесть. Второй – что спина его не достаточно крепка. И наконец после пяти минут бесплодных усилий он со стоном свалился под тяжестью груза, который старался поднять. Кит вытер со лба пот и в ту же минуту увидел над грудой мешков с продовольствием лицо своего дядюшки Джона Беллью, с нескрываемой насмешкой следившего за ним.

– Подумать только, – возгласил этот апостол мужества, – что от нас произошло такое жалкое потомство! Когда мне было шестнадцать лет, я играючи справлялся с такими пустяками.

– Но вы забываете, дядюшка, – возразил Кит, – что меня-то не кормили с детства медвежатиной.

– И играючи справлюсь с ними, когда мне стукнет шестьдесят.

– Я не прочь бы взглянуть на это.

И Джон Беллью показал ему. Дядюшке было сорок восемь лет, но он нагнулся над мешком, схватил его твердой рукой, немного раскачал и быстрым движением выпрямился, перекинув стофунтовый груз через плечо.

– Сноровка, мой мальчик, сноровка и крепкая спина!

Кит почтительно снял шляпу.

– Вы чудо, дядюшка, поразительное чудо! Как вы думаете, сумею ли я приобрести такую сноровку?

Джон Беллью пожал плечами.

– Ты запросишься домой прежде, чем мы тронемся в путь.

– Ну, нет, этого не случится, – пробурчал Кит. – Там меня ждет О’Хара, рыкающий лев, и я не вернусь к нему, пока будет хоть какая-нибудь возможность оставаться здесь.

III

Первое испытание Кита прошло успешно. Им удалось подрядить до Финниганского брода индейцев, которые взялись перенести две тысячи пятьсот фунтов снаряжения. Начиная с этого места, путешественникам предстояло нести поклажу самим. Они решили проходить ежедневно по одной миле. Это очень легко… на словах. Джон Беллью должен был

оставаться на стоянках и стряпать, поэтому он лишь изредка мог помогать в переноске груза. Таким образом, каждому из трех молодых людей нужно было ежедневно перетаскивать на одну милю восемьсот фунтов. Поднимая по пятидесяти фунтов зараз, каждый из них должен был бы сделать в день шестнадцать миль с поклажей и пятнадцать налегке. «Потому что в последний раз нам ведь не придется возвращаться!» – сделал приятное открытие Кит. Увеличив поклажу до восьмидесяти фунтов, они сократили бы свой переход до девятнадцати, а навьючивая на себя по сто фунтов – до пятнадцати миль в день.

– Я не большой любитель моциона, – заметил Кит. – Поэтому я буду перетаскивать по сто фунтов сразу. – Он подметил недоверчивую усмешку на лице дяди и поспешно добавил: – Конечно, мне придется потренироваться сначала. Всякое дело требует некоторой сноровки и навыка. Я начну с пятидесяти фунтов.

Он так и сделал и, взвалив на себя тюк, бодро двинулся в путь. Пройдя милю, он сбросил груз и легким шагом вернулся обратно. Это оказалось легче, чем он думал. Но две мили порядком утомили его непривычные мускулы. Второй его тюк весил шестьдесят пять фунтов. Это было уже значительно труднее, и Кит утратил свою первоначальную прыть. Несколько раз за время перехода он, по примеру всех остальных носильщиков, присаживался на землю и прислонял груз, не сбрасывая его с плеч, к камню или пню. Когда дело дошло до третьего тюка, Кит окончательно возгордился. Он прикрепил к ремням мешок бобов в девяносто пять фунтов и двинулся в путь. К концу первых ста шагов он почувствовал, что силы покидают его. Он присел и вытер с лица пот.

– Короткие переходы и короткие привалы, – пробормотал он, – в этом весь фокус.

Иногда Киту не удавалось сделать даже полных ста шагов, и всякий раз, как он, передохнув, снова поднимался на ноги, ноша казалась ему все тяжелее и тяжелее. Он с трудом переводил дыхание и весь обливался потом. Не пройдя и четверти мили, он снял свою шерстяную фуфайку и повесил ее на дерево. Немного погодя он сбросил шляпу. К концу первой полумили Кит почувствовал, что должен сдаться. Никогда в жизни он не испытывал такой мучительной усталости: он был уверен в этот момент, что окончательно надорвал свои силы. Он опустился на землю, стараясь отдышаться, как вдруг взгляд его упал на огромный револьвер и тяжелый пояс с патронами.

– Десять фунтов лишку, – ухмыльнулся он, отстегивая пояс.

Он даже не потрудился повесить его на дерево, а просто швырнул в придорожный кустарник. Наблюдая за потоком навьюченных людей, тащившихся мимо него вверх и вниз, Кит увидел, что и другие новички отстегивали свое оружие. Кит все больше и больше сокращал свои и без того короткие переходы. Подчас он с трудом, спотыкаясь, проходил шагов сто и, совершенно обессиленный, опускался на землю. Сердце его зловеще колотилось, кровь стучала в висках и барабанных перепонках, а колени предательски дрожали. Остановки же, наоборот, с каждым разом становились все длиннее. Однако мозг его не переставал работать. Перед ним лежало еще двадцать восемь миль пути, то есть двадцать восемь дней такого труда, причем самое трудное ожидало его, несомненно, впереди.

– Вот доберемся до Чилкута, – говорили ему спутники, останавливаясь, чтобы поболтать и передохнуть, – так вы еще не то запоете: придется карабкаться на четвереньках.

– Никакого Чилкута я не увижу, – отвечал он. – Мне ни за что не добраться туда. Задолго до Чилкута я спокойно улягусь в маленькой уютной могилке у дороги.

Раз он поскользнулся и сделал отчаянное усилие, чтобы удержаться. Это маленькое приключение сильно напугало его. Ему почудилось, будто у него все внутри оборвалось.

– Если я свалюсь когда-нибудь с этим грузом за спиной, пиши пропало, – поделился он с одним из своих спутников.

– Это что! – ответил тот. – Вот когда мы доберемся до Большого Ущелья, узнаете, то ли еще бывает. Вам придется перебираться через бешеный поток по сосновому стволу в шесть-

десят футов длины. Никаких поручней, никаких веревок – ничегошеньки! А вода под вами брызжет, пенится, переливается через ствол и захлестывает вас до колен. Если вы свалитесь с мешком на спине, не останется никакой возможности освободиться от ремней. Тогда прощайтесь с жизнью и спокойно погружайтесь на дно.

– По-моему, это не так уж плохо, – отозвался Кит; безумная усталость вынуждала его почти мечтать о таком конце.

– Там ежедневно тонет три-четыре человека, – продолжал его собеседник. – Я помог раз выудить оттуда одного немца, на нем нашли четыре тысячи долларов.

– Весело, нечего сказать, – произнес Кит, с трудом поднимаясь на ноги и снова пускаясь в путь.

Кит Беллью и его мешок с бобами слились в какую-то ходячую неразрешимую трагедию. Сам Кит мысленно сравнивал себя с Синдбадом-мореходом, обреченным таскать на плечах морского старца. «Так вот она, работа, достойная мужчины, – размышлял он. – Да по сравнению с ней рабство у О'Хара – блаженство». По временам он готов был поддаться искушению – швырнуть мешок с бобами в кусты, обогнуть крадучись стоянку, помчаться к берегу и сесть на первый попавшийся пароход, который вернул бы его в цивилизованный мир.

Однако он не сделал этого. Где-то в глубине его существа таилось влечение ко всему сильному и мужественному, и он беспрестанно твердил про себя, что раз это проделывают другие, то, следовательно, может проделать и он. Эта мысль навязчиво преследовала его, точно в кошмаре, и он делился ею со всеми, кого встречал по пути. Иногда, в минуты отдыха, он с завистью рассматривал крепких быстроногих индейцев, которые проходили мимо, нагруженные несравненно большими тяжестями. Они, по-видимому, никогда не отдыхали и двигались с твердостью и уверенностью, которая казалась ему почти чудесной.

Кит сидел и бранился (на ходу у него не хватало на это дыхания), борясь с искушением удрать обратно в Сан-Франциско. Но прежде чем кончилась миля, он перестал браниться и принялся плакать. Эти слезы были вызваны усталостью и отвращением к самому себе. Существовал ли когда-нибудь на свете более слабый, более жалкий человек! Когда вдали показался лагерь, он сделал последнее отчаянное усилие, добрался до стоянки и повалился ничком на землю, так и не сняв со спины мешка с бобами. Он не умер, но пролежал минут пятнадцать, прежде чем собрался с силами, чтобы освободиться от ремней. Чувствуя себя смертельно разбитым и больным, он так и остался лежать в полной прострации. В этом состоянии его нашел Робби, самочувствие которого было отнюдь не лучше, чем у кузена. Но как ни странно, состояние Робби вернуло Киту утраченное мужество.

– То, что могут делать другие, можем сделать и мы, – сказал ему Кит, хотя в глубине души у него шевелилось сомнение, не пустое ли это бахвальство с его стороны.

IV

– Мне двадцать семь лет, и я мужчина, – неоднократно повторял он в следующие дни. – И я должен стать сильным.

За первую неделю, в течение которой он ежедневно переносил восемьсот фунтов груза на милю вперед, Кит потерял пятнадцать фунтов собственного веса. Лицо его вытянулось и приобрело страдальческое выражение. И тело, и мозг утратили всякую упругость. Он уже не ходил, а тащился, и на обратных переходах, идя налегке, волочил ноги почти с таким же трудом, как и под тяжестью стофунтовой ноши.

Кит окончательно превратился во вьючное животное. Он засыпал над едой, и сон его сделался тяжелым и крепким, как у измученного животного. Просыпаясь, он вскрикивал от мучительных судорог, которые сводили его ноги; все тело болезненно ныло. Ступни покры-

лись сплошными волдырями, но это было ничто по сравнению с ужасными ранами, которые появились на них в долине Дайи. В этой местности путь на протяжении двух миль был покрыт сглаженными водой камнями, которые сдирали кожу и разрезали тело до самых костей. А ведь эти две мили означали тридцать восемь миль ходьбы с грузом туда и обратно. Он мыл лицо только раз в день, а ногти свои, сломанные, изуродованные и обросшие заусенцами, никогда не чистил. Боль в плечах и руках от глубоко врезавшихся ремней заставила его в первый раз задуматься над ощущениями лошадей, которых он столько раз видел на городских улицах.

Еда была для него вначале сущей пыткой и чуть не извела его вконец. Огромная физическая работа требовала усиленного питания, а желудок его не был приспособлен к непомерным порциям свинины и тяжелых коричневых бобов. В результате желудок отказался работать, и в течение нескольких дней боли и раздражение, вызываемые голодовкой и расстройством, едва не сломили Кита окончательно. Но настал, наконец, радостный день, когда он оказался в состоянии есть как прожорливое животное и с жадными волчьими глазами требовать еще и еще.

Благополучно переправив у входа в ущелье весь груз через поток по мосткам из неочищенных стволов, путники изменили свой план. Из-за перевала дошли слухи, что в окрестностях озера Линдерман не осталось ни одного дерева, пригодного для постройки лодки. Тогда оба кузена, нагрузив на себя инструменты, пилы, одеяла и запасы продовольствия, двинулись вперед, оставив Кита с дядей перетаскивать остальной багаж. Теперь Джон Беллью стряпал вместе с Китом и помогал ему переносить поклажу. Время летело быстро, и вскоре на вершинах выпал первый снег. Если бы зима застигла их по эту сторону перевала, они потеряли бы целый год. Поэтому дядюшка подставил свою железную спину под стофунтовую тяжесть. Кит почувствовал вначале некоторое смущение, но затем стиснул зубы и прикрепил к своим ремням такой же груз. Это было тяжело, но он успел уже порядком приспособиться, и тело его, окрепшее и избавившееся от лишнего жира, начинало покрываться броней твердых и гибких мускулов. К тому же он умел наблюдать и не был лишен изобретательности. Он сразу обратил внимание на приспособление из ремней, которое индейцы носили на голове, и смастерил себе такое же, чтобы пользоваться им одновременно со спинными ремнями. Это значительно облегчало дело и давало ему возможность класть на тюк еще какой-нибудь добавочный, не тяжелый, но громоздкий груз. Таким образом, он научился переносить по сто фунтов на ремнях и одновременно какой-нибудь пятнадцати-двадцатифунтовый предмет, который свободно лежал на тюке, упираясь в его затылок. Не довольствуясь этим, он брал в одну руку топор или пару весел, а в другую – вложенные друг в друга походные котелки.

Но как ни старались дядюшка и племянник, а работы с каждым днем все прибывало и прибывало. Дорога становилась все хуже и запущеннее, тюки все тяжелее, а снежная линия на горах с каждым днем опускалась все ниже. При этом плата за переноску багажа подскочила до шестидесяти центов за фунт. От кузенов не доходило никаких вестей; из этого они заключили, что Холл и Роберт все еще заняты рубкой и распилкой леса. Джон Беллью начинал не на шутку тревожиться. Встретив на пути нескольких индейцев, возвращавшихся с озера Линдерман, он уговорил их взяться за переноску груза. Они потребовали по тридцати центов за фунт, чтобы донести поклажу до вершины Чилкута. Делать было нечего, пришлось согласиться, хотя деньги у них были на исходе. Но, несмотря на помощь носильщиков, около четырехсот фунтов груза – одежда и лагерное снаряжение – все же осталось на месте, и Джон Беллью взялся перенести их собственными силами вслед за Китом и индейцами, которые ушли вперед. Они сговорились на том, что Кит, добравшись до Чилкута, станет понемногу переносить груз дальше, поджидая дядюшку, который должен был нагнать его со своими четырьмястами фунтами.

V

Кит шагал по дороге с носильщиками-индейцами. Сообразив, что до вершины Чилкута расстояние немалое, он сократил свой груз до восьмидесяти фунтов. Индейцы кряхтели под своими вьюками, но шли быстрее, чем привык ходить Кит. Однако теперь это его не пугало: он уже считал себя почти таким же выносливым, как индейцы.

Через четверть мили у него появилось желание передохнуть. Но индейцы еще не чувствовали в этом никакой потребности, и Кит пошел дальше вместе с ними. Пройдя еще полмили, он решил, что не в силах сделать больше ни единого шага. Тем не менее он стиснул зубы и продолжал путь, а к концу мили с удивлением убедился, что все еще жив. Затем, как это ни странно, вторая миля показалась ему немного легче первой; зато третья миля чуть не убила Кита. Но, теряя сознание от усталости и боли, он все же не позволял себе издать стон или вздох, и в ту минуту, когда он почувствовал, что теряет сознание, индейцы сделали привал. Вместо того, чтобы опуститься на землю вместо с грузом, как это делали обычно белые, индейцы освободились от плечевых и головных ремней и растянулись на земле, куря и болтая в свое удовольствие. Прошло около получаса, прежде чем они снова двинулись в путь. Кит с большим удивлением почувствовал себя совершенно посвежевшим и с этой минуты сделал своим правилом: «долгие переходы и долгие отдыхи».

Чилкут вполне оправдал те отзывы, которые Киту довелось о нем слышать, и он немало поработал руками и ногами, чтобы добраться до его вершины. Тем не менее он все же проделал это наравне с индейцами в жестокую снежную метель и в глубине души почувствовал большую гордость оттого, что ни разу за все время пути не отстал от них и ничем не проявил своей слабости. Теперь у него появилась новая, честолюбивая мечта – стать таким же выносливым и сильным, как индейцы.

Расплатившись с носильщиками и отпустив их, он остался один среди наступающей темноты, на вершине хребта, на тысячу футов выше лесной полосы. Промокший до пояса, голодный и измученный, Кит с удовольствием отдал бы в эту минуту весь свой годовой доход за то, чтобы погреться у огня и выпить чашку кофе. Но вместо этого он съел несколько холодных оладий и зарылся в полуразвернутую палатку. Перед сном он успел только со злорадством представить себе, как Джон Беллью станет карабкаться на вершину Чилкута со своими четырьмястами фунтами. Задача Кита была теперь куда легче и проще, несмотря на его две тысячи фунтов багажа: ведь его-то путь лежал под гору!

Утром, с трудом размяв онемевшие от работы и окоченевшие от холода члены, он выполз из палатки, уничтожил фунта два сырого бекона, привязал к ремням стофунтовый тюк и начал спускаться по скалистой тропинке. На несколько сот ярдов ниже тропа пересекала небольшой ледник и сбегала дальше к озеру Кратер. Какие-то люди переправлялись через ледник, перенося на себе часть груза. Однако Кит не последовал их примеру. Весь этот день он складывал свои тюки у верхнего края ледника, и незначительность расстояния позволяла ему переносить по сто пятьдесят фунтов зараз. Выполняя эту работу, он с трудом верил в свой успех и не переставал дивиться своей выносливости. За два доллара он купил у индейца три окаменевших морских сухаря и съел их в течение дня с огромным количеством сырого бекона.

Не умывшись и не согревшись, он свалился в промокшей от пота одежде и проспал, завернувшись в палатку, вторую ночь.

Рано утром Кит разостлал на льду брезент и погрузил на него три четверти тонны. Затем он потащил его по скользкой поверхности. В том месте, где спуск ледника становился круче, груз Кита стал развивать все большую скорость и, наконец, обогнал его. Тогда остроумный изобретатель вскочил на груду тюков и помчался вниз с быстротой пули.

Сотни нагруженных поклажей носильщиков останавливались, чтобы взглянуть на Кита, восседавшего на верхушке своей поклажи. Он кричал во все горло, предостерегая тех, кто находился на его пути, и зазевавшиеся люди, спотыкаясь, отскакивали в сторону, очищая перед ним дорогу. У нижнего края ледника стояла маленькая палатка; она с такой быстротой вырастала перед Китом, как будто приближалась к нему прыжками. Он свернул с проезжей тропы в том месте, где она отклонялась влево, и понесся по нетронутому снегу. Целое облако морозной пыли окружило его, замедляя скорость движения. Он увидел палатку только в ту минуту, когда врезался в нее, сорвав боковые колышки. И в тот же миг, прорвав лицевое полотнище, Кит, сидя на своем брезенте среди груды мешков с продовольствием, влетел внутрь палатки. Палатка закачалась, как пьяная, и в облаке морозной пыли Кит вдруг увидел перед собой изумленное лицо молодой женщины. Она сидела, завернувшись в одеяла, и он тотчас же узнал в ней ту самую девушку, которая назвала его в Дайе чечако.

– Видели вы, какой я поднял дым? – весело осведомился он.

Девушка окинула его неодобрительным взглядом.

– Рассказывайте после этого о коврах-самолетах, – продолжал Кит.

– Не потрудитесь ли вы убрать с моей ноги этот мешок? – холодно спросила она.

Он осмотрелся и быстро привстал.

– Это не мешок, а мой локоть. Простите.

Эта поправка, однако, нисколько не смягчила девушку, и она произнесла все с той же вызывающей холодностью:

– Спасибо хоть за то, что вы не перевернули печку.

Он проследил за ее взглядом и увидел железную печурку и гревшийся на ней кофейник, за которым присматривала молодая индианка. Кит с наслаждением втянул в себя аромат кофе и снова перевел взгляд на девушку.

– Ведь я чечако, – сказал он.

По презрению, отразившемуся на ее лице, он понял, что это для нее ясно и без его слов, но Кит нисколько не смутился.

– Я бросил по дороге свой револьвер, – прибавил он.

Только тут она узнала его, и взгляд ее смягчился.

– Не думала, что вы заберетесь так далеко, – сказала она.

Он снова с жадностью втянул воздух.

– Даю голову на отсечение, что это кофе! – Он повернулся к девушке и прямо обратился к ней: – Я отдам свой мизинец – можете отрубить его сейчас же, я сделаю все, что вы прикажете, я стану вашим рабом на один год и один день или на сколько вы пожелаете, и все это за одну чашку кофе!

И, прихлебывая горячий кофе, он назвал ей свое имя и услышал, что ее зовут Джой Гастелл. Он узнал также, что она уже давно живет здесь. Джой Гастелл родилась на одной из факторий у Большого Невольничьего озера и, еще ребенком переправившись с отцом через Скалистые Горы, спустилась в бассейн Юкона. Девушка объяснила, что путешествует в этот момент со своим отцом. Сначала дела задержали его в Сиэтле, а затем он потерпел крушение на злополучном «Чантере» и был доставлен обратно в пролив Пьюджет-Саунд подоспевшим на помощь пароходом.

Поскольку девушка продолжала сидеть закутанная в одеяло, Кит не стал затягивать разговора и, героически отказавшись от второй чашки, извлек из палатки вместе с собственной персоной три четверти тонны своего груза. Сверх того он вынес с собой оттуда еще много впечатлений, а именно – что у нее прелестное имя и прелестные глаза, что лет ей, наверное, двадцать, самое большее двадцать два года; что отец ее, должно быть, француз, и что она женщина с характером и темпераментом, а воспитание получила, несомненно, где угодно, только не здесь.

VI

Тропа проходила по обледенелым скалам над полосой леса и, обогнув озеро Кратер, спускалась по скалистому ущелью к Счастливому Лагерю и первым жалким тощим соснам. Нужно было потратить немало сил и времени, чтобы переправить этим путем тяжелое снаряжение. На озере стояла парусная лодка, которой пользовались для перевозки грузов. «Достаточно будет двух рейсов, которые займут не больше двух часов времени, – рассудил Кит, – чтобы переправить на ту сторону меня самого и тонну багажа». Но Кит был разорен дочиста, а лодочник просил сорок долларов за тонну.

– Для вас, мой друг, эта жалкая лодка настоящая золотая россыпь, – сказал ему Кит. – Не хотите ли приобрести еще одну такую же?

– Покажите! – заявил лодочник.

– Я покажу вам ее, если вы согласитесь переправить за это мой багаж. Идея превосходная, и патент на нее еще не выдан, так что вы сможете взяться за дело, как только я объясню вам, в чем заключается фокус. Идет?

Лодочник согласился; лицо его внушало Киту доверие, и он тут же изложил ему свой проект:

– Прекрасно. Видите вон тот ледник? Берите кирку и отправляйтесь туда. За один день вы прорубите прекрасный желоб сверху донизу. Смекаете, в чем дело? Чилкутское и Кратеровское Консолидированное Транспортное Общество с ограниченной ответственностью. Вы можете брать по пятьдесят центов за сто фунтов и переправлять по сотне тонн в день. А весь ваш труд будет заключаться только в том, чтобы собирать монеты.

Через два часа Кит со своим грузом находился на противоположном берегу, выиграв таким образом целых три дня. Поэтому, когда Джон Беллью нагнал племянника, тот был уже вблизи Глубокого озера – другой вулканической впадины, заполненной ледяной водой.

VII

Последний переход от Долгого озера до озера Линдерман равнялся трем милям, и тропа – если только это можно было назвать тропой – взбиралась кверху, переваливала через тысячефутовый хребет и сбегала вниз по скользким скалам, пересекая по пути широкую полосу болот. Увидев, что Кит привязал за спину стофунтовый тюк и положил на него дополнительный груз – пятидесятифунтовый мешок муки, который должен был упираться в его затылок, – Джон Беллью попробовал запротестовать.

– Будет вам, поклонник выносливости, – огрызнулся Кит. – Вспомните свою медвежатину и единственную смену белья!

Но Джон Беллью покачал головой.

– Боюсь, что я начинаю стареть, Кристоф.

– Вам всего сорок восемь лет. Разве вы забыли, что мой дедушка, а ваш отец, старый Исаак Беллью, в шестьдесят девять лет одним ударом кулака уложил человека?

Джон Беллью, ухмыльнувшись, проглотил пилюлю.

– Между прочим, дядюшка, я должен сообщить вам чрезвычайно важную новость. Несмотря на то, что меня воспитывали, как недотрогу и неженку, я могу в любой момент перещеголять вас в выносливости и ходьбе, а также уложить вас на обе лопатки или обработать вот этими кулаками.

Джон Беллью протянул племяннику руку и торжественно произнес:

– Кристоф, мой мальчик, я уверен, что ты говоришь истинную правду. Я убежден, что тебе не понадобится даже снять для этого тюк со спины. Ты изменился к лучшему, мальчик,

и так сильно, что я никогда не поверил бы этому, если бы не видел этой перемены собственными старыми глазами.

За последний переход Кит за день прошел четыре раза в оба конца, а это значило, что он за один день одолел двадцать четыре мили, карабкаясь по горам, а из них двенадцать – со стопятидесятифунтовой поклажей на спине. Он был исполнен гордости, бодр и, несмотря на усталость, физически чувствовал себя прекрасно. Он ел и спал, как никогда еще не ел и не спал в своей жизни, и видя, что работа приближается к концу, почти жалел об этом.

Одно только тревожило Кита. Он знал, что уцелеет, если свалится со стофунтовым грузом за спиной, но его мучила мысль о добавочных пятидесяти фунтах, которые, как ему казалось, должны непременно сломать ему при падении шею. Все тропинки, пересекавшие болото, очень быстро и бесследно затаптывались тысячами путников, и людям приходилось беспрестанно прокладывать все новые. Прокладывая однажды такую новую тропу, Кит разрешил свою проблему о добавочных пятидесяти фунтах.

Мягкая топкая поверхность подалась под ним; он пошатнулся и упал ничком. Груз в пятьдесят фунтов вдавил его голову в грязь и шлепнулся в болото, не причинив Киту никакого вреда. Он поднялся на четвереньки со своей стофунтовой поклажей за спиной, но дальше этого дело не пошло. Одна рука его тотчас же погрузилась по плечо в трясину, заставив Кита прикоснуться щекой к грязи. Когда он вытащил эту руку – моментально погрузилась по плечо другая. Это лишало Кита возможности освободиться от ремней, а стофунтовая поклажа не давала ему подняться на ноги. Он сделал попытку подползти на четвереньках к тому месту, куда свалился мешок с мукой, но руки его поочередно увязали в топкой грязи, и скоро он выбился из сил, не подвинувшись ни на шаг. При этом топкий травянистый покров прорвался, и в опасном соседстве с его носом и ртом начала образовываться крошечная лужица. Кит попробовал перевернуться на спину так, чтобы тюк оказался под ним, но от этого движения обе руки его погрузились по плечи, и он почувствовал, что тонет. С изумительным терпением он медленно вытащил сначала одну, потом другую руку и положил их плашмя на поверхность болота, чтобы создать опору для подбородка. Затем он начал звать на помощь. Через некоторое время он услышал звук шагов, чавкавших по болоту, и догадался, что кто-то приближается к нему сзади.

– Эй, приятель, помогите! – крикнул он. – Бросьте мне веревку или что-нибудь в этом роде.

В ответ он услышал женский голос и тотчас же узнал его.

– Если вы развяжете мои ремни, я смогу сам подняться на ноги.

Стофунтовый груз, громко чавкнув, шлепнулся в грязь, и Кит медленно, с трудом поднялся на ноги.

– Ну и вид у вас! – расхохоталась мисс Гастелл, увидев его покрытое грязью лицо.

– Совсем не плохой, – возразил он весело. – Это мое любимое гимнастическое упражнение. Попробуйте как-нибудь – замечательно укрепляет грудную клетку и позвоночник.

Он вытер лицо и бодрым движением стряхнул с руки грязь.

– О! – воскликнула она, только теперь узнав Кита. – Да ведь это мистер… мистер… Смок Беллью?

– Премного благодарен вам за своевременную помощь и за это имя, – ответил Кит. – Я получил второе крещение. Отныне я потребую, чтобы меня всегда называли Смок[1] Беллью. Это славное имя, и я вижу в нем глубокий смысл.

Он остановился, затем заговорил вдруг с неожиданной силой.

– Знаете, что я намерен сделать? – спросил он. – Я вернусь в Штаты, женюсь там и обзаведусь многочисленной семьей. А затем как-нибудь вечерком я соберу вокруг себя детей

[1] Смок (smoke) – здесь: прокопченный.

и расскажу им про те мытарства и испытания, через которые я прошел на этом Чилкутском пути. И если они не заревут, – я повторяю, если они не заревут, я вышибу из них дух.

VIII

Арктическая зима быстро надвигалась. Выпавший снег лежал шестидюймовым слоем, и спокойные горные озера постепенно затягивались льдом, несмотря на неистово дувшие ветры. Раз в сумерки, под завывание метели, Кит и Джон Беллью помогли кузенам нагрузить лодку и долго следили потом, как она исчезала в снежном вихре.

– А теперь нужно как следует выспаться и завтра встать пораньше, – сказал Джон Беллью. – Если вьюга не задержит нас на перевале, мы придем в Дайе завтра к вечеру. А если нам посчастливится застать какой-нибудь пароход, то через неделю мы будем в Сан-Франциско.

– Вы довольны своей прогулкой? – рассеянно спросил Кит.

Их стоянка в эту последнюю ночь у озера Линдерман имела грустный вид. Все более или менее пригодное для употребления было увезено кузенами. Дырявый брезент, натянутый для защиты от ветра, лишь местами прикрывал их от метели. Ужин они сварили на костре, использовав для этого несколько поломанных и разрозненных лагерных принадлежностей. У них оставались только одеяла да запас пищи на несколько дней.

Проводив лодку, Кит стал рассеянным и задумчивым. Дядя заметил в нем эту перемену и приписал ее реакции на сильное напряжение. За ужином Кит произнес только одну фразу.

– Дядюшка, – сказал он вдруг ни с того ни с сего, – я хочу, чтобы отныне вы называли меня Смоком. Я, кажется, порядочно прокоптился за это путешествие, не так ли?

Через несколько минут он вышел и направился к палаткам золотоискателей, занятых снаряжением или постройкой лодок. Кит пропадал несколько часов, и когда он вернулся и лег под одеяло, Джон Беллью давно уже спал.

В темноте ветреного утра Кит выполз, отогрел на огне свои промерзшие сапоги, сварил кофе и поджарил бекон. Это был скудный завтрак, остывший прежде, чем они успели съесть его. Покончив с едой, дядя и племянник связали свои одеяла. Но в тот момент, когда Джон Беллью повернулся, чтобы пуститься в обратный путь по Чилкутской дороге, Кит протянул ему руку.

– До свиданья, дядюшка, – сказал он.

Джон Беллью посмотрел на него и выругался от неожиданности.

– Не забывайте, что меня зовут Смок, – поддразнил его Кит.

– Да что ты задумал?

Кит сделал неопределенный жест в сторону севера, где бушевало озеро.

– Какой смысл возвращаться назад после того, как я уже забрался так далеко? – спросил он. – Я отведал медвежатины, и она пришлась мне по вкусу. Я иду дальше.

– Но ведь у тебя нет ни денег, ни снаряжения, – возразил Джон Беллью.

– Я нашел работу. Ну, порадуйтесь: ваш племянник Кристоф Смок Беллью наконец нашел себе работу! Теперь он будет прислуживать джентльмену и получать за это сто пятьдесят долларов в месяц и продовольствие. Он отправляется в Доусон с двумя господами и еще одним слугой – в качестве походного повара, лодочника и всего такого прочего. А что касается О'Хара и «Волны» – пусть провалятся к черту! До свидания!

Джон Беллью был так поражен, что мог пробормотать только одно:

– Ничего не понимаю.

– Говорят, в бассейне Юкона водится много медведей, – объяснил Кит. – А у меня, видите ли, всего одна смена белья, и я отправляюсь за медвежатиной. Вот и все.

Мясо

I

Ветер то и дело налетал неистовым ураганом, и Смок Беллью с трудом пробирался вдоль берега. В сером предутреннем свете десятки лодок нагружались драгоценным снаряжением, которое люди с таким трудом переносили через Чилкут. Это были неуклюжие, самодельные лодки, сколоченные неумелыми руками. Золотоискатели собственноручно рубили и распиливали молодые сосны на доски, а затем мастерили из них свои незатейливые суда. Одна лодка, нагруженная доверху, как раз отчаливала от берега, и Кит остановился на минуту, чтобы поглядеть на нее.

На озере было довольно тихо, но зато у берега бушевал неистовый ураган, подхлестывавший мелкие злобные волны. Люди с отъезжавшей лодки, обутые в высокие непромокаемые сапоги, вошли в воду, чтобы столкнуть лодку в более глубокое место. Им пришлось проделать это дважды: как только они садились в лодку и брались за весла, ветер снова относил ее назад к берегу. Кит заметил, что брызги на бортах лодки быстро превращались в лед. В третий раз они добились некоторого успеха. Последние два пассажира, влезшие в лодку, были мокры по пояс, но зато лодка тронулась с места. Они изо всех сил налегли на тяжелые весла и стали медленно удаляться от берега. Ободренные успехом, они поставили парус, сшитый из одеял, но лишь только ветер надул его, лодку в третий раз отнесло к замерзающему берегу.

Кит ухмыльнулся про себя и пошел дальше. Вот с чем ему придется столкнуться в новой роли слуги: ведь ему предстояло не далее как сегодня отплыть в такой же лодке.

На берегу кипела работа; люди трудились не покладая рук, выбиваясь из сил, ибо все понимали, что зима воцарится не сегодня – завтра, и никто не знал, успеет ли он пробраться через цепь озер до ледостава. Тем не менее, когда Кит подошел к палатке мистеров Спрага и Стайна, он не заметил там никаких признаков суеты.

У огня, под защитой брезента, сидел, поджав ноги, коротенький толстый человек, куривший самокрутку из коричневой бумаги.

– Алло, – сказал он. – Так вы, значит, новый слуга мистера Спрага?

Кит утвердительно кивнул. Ему показалось, будто толстяк сделал ударение на словах мистер и слуга, и он готов был поклясться, что маленький человечек при этом подмигнул ему.

– Так, так! Ну, а я слуга доктора Стайна, – продолжал он. – Во мне пять футов и два дюйма росту, и меня зовут Джеком Малышом, для краткости – Малышом, а иногда величают и Джонни-на-все-руки.

Кит протянул руку и обменялся со своим новым коллегой рукопожатием.

– Выросли, небось, на медвежатине? – осведомился он.

– Разумеется, – ответил тот, – хотя, насколько я помню, в раннем детстве меня кормили больше молоком буйволицы. Присядьте и закусите со мной. Хозяева еще не прочухались.

Кит уселся под брезентом и, несмотря на то, что утром уже позавтракал, с утроенным аппетитом уничтожил все, что предложил ему Малыш. Изнуренный тяжелым трудом в последнее время, он приобрел желудок и аппетит волка. Он мог есть что угодно и в каком угодно количестве, нисколько не заботясь о своем пищеварении. Малыш показался ему разговорчивым, но пессимистично настроенным человеком. Кит получил от него весьма любопытные сведения о хозяевах и выслушал мрачные предсказания относительно предстоящего

путешествия. Томас Стэнли Спраг, новоиспеченный горный инженер, был сыном миллионера. Родители доктора Адольфа Стайна были также очень состоятельные люди.

– Денег у них куры не клюют, уж это я вам говорю, – продолжал Малыш. – Когда они высадились на берег в Дайе, индейцев было очень мало, и они драли по семьдесят центов за фунт. Случилась там как раз одна компания из Восточного Орегона – настоящие старатели[2], скажу вам, не нашим чета; сложились это они вместе и наняли несколько индейцев по семьдесят центов за фунт. Индейцы взялись уже за ремни, чтобы забрать снаряжение – около трех тысяч фунтов, – как вдруг появляются Спраг и Стайн. Они предложили восемьдесят центов, затем девяносто и, наконец, доллар за фунт. Ну, индейцы, разумеется, послали орегонцев к черту и побросали поклажу. И вот Спраг и Стайн добрались сюда. Плевать, что это влетело им в три тысячи! А орегонская компания, извольте видеть, до сих пор сидит на берегу. Теперь им не выбраться оттуда до будущего года.

– О, это парни хоть куда – наши с вами хозяева, когда дело касается того, чтобы обойти человека или попросту наплевать ему в лицо. Знаете ли, что они сделали, как только добрались до озера Линдерман? Плотники на берегу как раз вколачивали последние гвозди в лодку, которую они должны были сдать одной компании из Сан-Франциско за шестьсот долларов. Спраг и Стайн отвалили им тысячу, и те, не задумываясь, нарушили договор. Лодка славная, что и говорить, но это сильно подвело тех молодцов. Они перетащили сюда все свое снаряжение, а лодки-то и нет. Хочешь не хочешь, а уж придется застрять здесь до будущего года. Выпейте-ка еще чашку кофе. Поверьте, я не связался бы с этими франтами, если бы меня чертовски не тянуло в этот Клондайк. Что и говорить – подлые люди. Если им понадобится, они вытряхнут мертвого из гроба. Вы подписали с ними какой-нибудь контракт?

Кит отрицательно покачал головой.

– В таком случае, друг, мне очень жаль вас. В этой местности продовольствие ценится на вес золота, и они отправят вас на все четыре стороны, как только доберутся до Доусона. Немало народу в эту зиму перемрет там с голоду.

– Они обещали… – начал Кит.

– На словах, – резко оборвал его Малыш. – На ваши слова они ответят словами – вот и все. Ну да ладно, не так страшен черт… А как вас звать, дружище?

– Зовите меня Смок, – сказал Кит.

– Ну, Смок, вам придется здорово попотеть, несмотря на то, что у вас только словесный договор. Теперь уже ясно, что нам предстоит. Они умеют сорить направо и налево своими проклятыми деньгами, но не способны ни работать, ни хотя бы даже рано вставать с постели. Нам уже час назад следовало закончить погрузку и отчалить, а они еще и глаз не продрали. Вся тяжелая работа ляжет на нас с вами. Не беспокойтесь, скоро вы услышите, как они начнут ругаться и требовать кофе – подумайте только: эти взрослые бугаи пьют кофе в постели! Вы имеете какое-нибудь представление о лодке? Я ковбой и старатель, но на воде ни черта не стою, а они уже само собой ни аза не смыслят в этом. Ну-ка, выкладывайте, что вы знаете.

– Да не больше вашего, – ответил Кит, плотнее прижимаясь к брезенту, чтобы укрыться от бурного порыва ветра. – Последний раз я катался на лодке, когда был еще мальчишкой. Но мне думается, что мы справимся.

Ветер сорвал угол брезента и насыпал снегу за ворот Малышу.

– Да уж справишься тут поневоле, – сердито проворчал он. – Велика премудрость, подумаешь. Ребенок и тот одолеет. Но я готов отдать голову на отсечение, что мы не двинемся сегодня с места.

Было уже восемь часов, когда из палатки потребовали кофе. И прошел битый час, прежде чем хозяева выползли оттуда.

---

[2] Рабочие на золотых приисках, работающие не по найму, а за свой счет.

– Алло, – сказал Спраг, краснощекий, упитанный молодой человек лет двадцати пяти. – Пожалуй, уже время двигаться, Малыш. Вы с… – тут он вопросительно взглянул на Кита. – Я не разобрал вчера как следует вашего имени.

– Смок.

– Так вот, Малыш, вы с мистером Смоком можете начать грузить лодку.

– Просто Смок, без всякого мистера, – поправил Смок.

Спраг кивнул и зашагал, лавируя между палатками, в сопровождении доктора Стайна, стройного бледного молодого человека. Малыш бросил красноречивый взгляд на своего товарища.

– Там полторы с лишним тонны продовольствия, а эти лоботрясы и не подумают помочь нам. Вот увидите.

– Это потому, что они платят нам за работу, – весело заметил Кит. – Я уверен, что мы отлично справимся сами.

Перенести три тысячи фунтов на сотню ярдов – дело не легкое, но проделать это в метель, шагая по снежным сугробам, в тяжелых непромокаемых сапогах – занятие чрезвычайно утомительное и требующее немалой выносливости. Кроме того, нужно было еще свернуть палатку и уложить всякую походную мелочь. Затем началась погрузка. По мере того как лодка оседала под тяжестью снаряжения, Кит и Малыш все дальше и дальше отталкивали ее от берега, увеличивая таким образом расстояние, которое приходилось проходить по воде. К двум часам все было закончено, и Кит, несмотря на два завтрака, почувствовал, что едва держится на ногах от голода. Малыш, испытывая то же, принялся шарить по горшкам и кастрюлям и с торжеством извлек порядочный котелок холодных вареных бобов, между которыми виднелись большие ломти солонины. В их распоряжении была только одна ложка с длинной ручкой, и они по очереди погружали ее в горшок. Кит готов был поклясться, что никогда за всю свою жизнь не ел ничего вкуснее.

– Господи, – бормотал он в редкие промежутки, когда рот его освобождался от пищи. – Только здесь, в пути, и понял, что такое аппетит.

В самый разгар пиршества к ним подошли Спраг и Стайн.

– Чего мы ждем? – недовольно осведомился Спраг. – Ведь нам давно уже пора двинуться.

Малыш – это была его очередь – зачерпнул бобы ложкой, а затем передал ее Киту, и никто из них не произнес ни единого слова, пока горшок не был очищен до дна.

– Ясно, мы тут отдыхали, – сказал Малыш, вытирая рукой рот. – Вот и выходит, что мы сидели сложа руки, а вам нечем теперь закусить. Разумеется, это непростительная небрежность с нашей стороны.

– Ничего, ничего, – быстро вставил Стайн, – мы уже поели в одной из палаток у наших друзей.

– Я так и думал, – проворчал Малыш.

– Ну, а теперь, когда вы наелись, пора трогаться, – торопил Спраг.

– Лодка уже нагружена, – сказал Малыш. – А только интересно, как вы думаете взяться за нее, чтобы отчалить?

– Да просто перелезем через борт и оттолкнем ее. Ну, идем.

Все пошли по воде. Хозяева сели в лодку, а Малыш и Смок начали отталкивать ее от берега. Когда волны стали переливаться через верхушки их сапог, они влезли тоже. Но хозяева не подумали о том, чтобы вовремя взяться за весла, и лодку снова отнесло к берегу. Так повторялось несколько раз, и каждая попытка требовала огромных затрат энергии.

Малыш, придя в полное уныние, уселся на корме, взял щепотку табаку и погрузился в мировую скорбь, в то время как Кит вычерпывал из лодки воду, а хозяева обменивались не совсем любезными замечаниями.

– Если вы исполните в точности мое приказание, мы сдвинем ее с места, – сказал Спраг.

План был недурен, но прежде чем молодой человек успел взобраться в лодку, его окатило до пояса водой.

– Придется высадиться и развести огонь, – сказал он, когда лодку снова отнесло к берегу. – Я совсем замерз.

– Теперь не время бояться насморка, – язвительно усмехнулся Стайн. – Другие же отчалили сегодня, хотя, наверное, промокли побольше вашего. Теперь я займусь лодкой, и вот вы увидите, что мы сдвинем ее.

На этот раз промок Стайн и, стуча зубами, заявил, что необходимо высадиться и развести огонь.

– Чепуха, – мстительно возразил Спраг, – из-за такой ерунды не стоит задерживаться.

– Малыш, – приказал Стайн, – вытащите мой чемодан с вещами и разведите огонь.

– Малыш, я запрещаю вам делать это! – воскликнул Спраг.

Малыш переводил глаза с одного на другого, выжидая, чем кончится спор, и не двигался с места.

– Я нанял его для себя, и он должен исполнять мои приказания, – возразил Стайн. – Малыш, берите чемодан и высаживайтесь на берег.

Малыш повиновался, а Спраг, дрожа от холода, остался в лодке. Кит, не получив никаких распоряжений, спокойно наблюдал за ними, радуясь отдыху.

– Лодка, на которой царит раздор, далеко не уедет, – пробормотал он, рассуждая сам с собой.

– Что такое? – зарычал на него Спраг.

– У меня привычка разговаривать вслух с самим собой, – ответил Кит.

Хозяин бросил на него злобный взгляд и еще несколько минут продолжал смотреть волком. Наконец он сдался.

– Вынесите мой чемодан, Смок, – приказал он, – и помогите развести огонь. Мы никуда не тронемся до завтрашнего утра.

II

На следующий день вьюга не унималась. Озеро Линдерман представляло собой не что иное, как узкое горное ущелье, заполненное водой. По этой воронке проносился порывистый, дувший с гор ветер, который то вздымал в ней огромные волны, то почти затихал.

– Если вы столкнете лодку с места, я, пожалуй, сумею отвести ее от берега, – заявил Кит, когда все было готово.

– Что вы смыслите в этом? – огрызнулся Стайн.

– Ну, как знаете, – ответил Кит и умолк.

Ему в первый раз приходилось работать по найму, но он быстро усваивал правила дисциплины. Он покорно и весело принял участие в нескольких безрезультатных попытках сдвинуть лодку.

– Что же вы собираетесь делать? – спросил его наконец Спраг, задыхаясь и чуть не плача от отчаяния.

– Сядьте все в лодку и отдыхайте, пока не настанет минута затишья, а тогда отталкивайтесь от берега что хватит сил.

Как ни была проста эта мысль, все же она пришла в голову только Киту. С первого же раза все пошло как по маслу; они прикрепили к мачте взамен паруса одеяло и понеслись по озеру. Стайн и Спраг тотчас же повеселели. Малыш, несмотря на свой беспросветный пессимизм, никогда не утрачивал бодрости, а что до Кита, то он был слишком заинтересован

всем происходящим, чтобы упасть духом. Спраг около четверти часа мучился с рулем, затем бросил умоляющий взгляд на Кита, и тот сейчас же сменил его.

– Я чуть не вывихнул себе руки от напряжения, – пробормотал Спраг в оправдание.

– Ведь вы никогда не ели медвежатины, не правда ли? – сочувственно осведомился Кит.

– Что вы хотите этим сказать?

– О, ничего. Мне просто было интересно узнать.

Но когда хозяин повернулся к ним спиной, Кит увидел одобрительную усмешку на лице Малыша, отлично понявшего смысл его слов. Все время, пока они плыли по озеру, Кит с таким искусством управлял лодкой, что молодые люди, с тугими кошельками и отвращением к труду, удостоили его звания опытного рулевого. Малышу это тоже было на руку, и он охотно предоставил заботу о лодке товарищу, взяв на себя хлопоты по кухне.

Озеро Линдерман отделялось от озера Беннет небольшим рукавом. Разгруженную лодку ввели в узкий, но бурный проток, соединявший оба бассейна, и тут Киту пришлось немало потрудиться. Зато он многому научился. Когда дело дошло до переноски груза, Спраг и Стайн куда-то исчезли, а слуги два дня работали как каторжные, чтобы переправить багаж. Та же история повторялась всякий раз, когда они попадали в затруднительное положение, – Кит и Малыш выбивались из сил, а хозяева их ровно ничего не делали и требовали ухода за собой.

Однако безжалостная полярная зима все приближалась, а путников то и дело задерживали в пути самые разнообразные препятствия. В Рукаве Ветров Стайну вдруг вздумалось сменить Кита у руля, и менее чем через час лодку выбросило на бурный подветренный берег. Они потратили целых два дня, чтобы устранить повреждения, и когда на третье утро все четверо спустились к берегу, чтобы двинуться дальше, по борту лодки от носа до кормы тянулась нацарапанная углем надпись: Чечако.

Кит ухмыльнулся, ибо никогда еще это ненавистное слово не казалось ему более уместным.

– Еще чего, – возразил Малыш, когда Стайн заподозрил в этом деле его. – Я, конечно, грамотный, умею читать по складам и знаю, что чечако значит белоручка, а только не такой уж я ученый, чтобы написать эдакое трудное слово.

Оба хозяина в упор уставились на Кита; их жестоко оскорбила эта насмешка; но тот, конечно, и не заикнулся, что накануне вечером Малыш попросил его написать на бумажке это самое слово.

– Это задело их еще почище твоей медвежатины, – поделился с ним позднее Малыш.

Кит насмешливо фыркнул. По мере того как росла его уверенность в собственных силах, он все сильнее проникался презрением к хозяевам. Это была даже не неприязнь, а скорее отвращение. Кит попробовал медвежатины, и она пришлась ему по вкусу. Они же продемонстрировали, к чему ведет отказ от этой пищи, и благодарил Бога, что не создан по их подобию. Его раздражала не столько их придирчивость, сколько полная беспомощность и неспособность к работе. В нем, помимо воли, все больше проявлялись наследственные черты, переданные ему старым Исааком и другими мужественными Беллью.

– Знаешь, Малыш, – сказал он однажды товарищу во время обычной суеты перед отъездом. – Я с удовольствием проломил бы им веслом головы и сбросил бы обоих в реку.

– Руку, приятель, – одобрил Малыш. – Эти молодчики не охотники до медвежатины. Они больше насчет той самой рыбки, которая водится в мутной воде. Я уверен, что внутри у них одна гниль.

III

Они подошли к порогам. Прежде всего им предстояло одолеть ущелье, прозванное Ящичным, а затем пороги Белой Лошади. Ущелье Ящичное вполне заслуживало свое название. Это был настоящий ящик-западня. Раз попав в него, нужно было пройти все его до конца: другого выхода не было. С обеих сторон поднимались стены неприступных скал. Река в этом месте сильно суживалась и с ревом прорывалась через мрачный коридор. Она мчалась с такой бешеной быстротой, что посредине вздымалась гребнем футов на восемь выше, чем у скалистых берегов. Этот гребень был увенчан злобными крутыми волнами, которые со стороны казались неподвижными, несмотря на седые шапки пены. Это ущелье справедливо пользовалось дурной славой. И немало золотоискателей, пытавшихся пробраться через него, сложили там свои головы.

Пристав к берегу немного повыше ущелья, в том месте, где уже находилось несколько причаливших лодок, все четверо отправились пешком на разведку. Они подползли к самому краю скалы и заглянули вниз на бурлящую воду. Спраг с содроганием отшатнулся.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Никакой пловец не справится с этим течением.

Малыш многозначительно подтолкнул Кита локтем и шепнул ему:

– Животики со страху подвело. Чтоб мне провалиться, если у них хватит духу пробраться через этот Ящик.

Кит едва слышал слова товарища. С самого начала путешествия на лодке он с изумлением приглядывался к необузданной, непостижимой злобе стихий, и картина, увиденная внизу, подействовала на него как вызов.

– Надо будет во что бы то ни стало держаться гребня, – сказал он, – если мы скатимся с него, то неминуемо налетим на скалы…

– И даже не узнаем, обо что разбились, – философски изрек Малыш. – Умеешь плавать, Смок?

– Уж лучше бы не умел, если нам суждено перевернуться.

– Вот и я так же думаю, – мрачно заметил какой-то человек, заглядывая рядом с ними в ущелье. – Дорого бы я дал, чтобы оказаться уже по ту сторону.

– А я ни за что не отказался бы от попытки переправиться через эти пороги, – отозвался Кит. Он говорил искренно, но при этом хотел хоть немного подбодрить незнакомца. Он встал и направился к лодке.

– Вы собираетесь провести лодку через этот ад? – спросил незнакомец.

Кит кивнул головой.

– Хотел бы я обладать таким мужеством, – признался тот. – Я уже несколько часов торчу здесь и чем больше смотрю вниз, тем сильнее боюсь отважиться на это. Я моряк липовый, никогда не занимался этим делом, а со мной только племянник, совсем еще мальчик, да жена. Не возьметесь ли вы провести мою лодку, если вам удастся благополучно переправить свою?

Кит посмотрел на Малыша, который медлил с ответом.

– Не забудь, что с ним жена, – напомнил Кит, успевший хорошо изучить своего товарища.

– Правильно, – заявил тот. – Над этим-то я как раз и думал. Чувствую, что есть какая-то причина, чтобы согласиться, а в чем она – хоть убей, сообразить не могу.

Они снова повернулись, чтобы идти, но Спраг и Стайн не двинулись с места.

– Желаю вам удачи, Смок, – крикнул ему вслед Спраг. – Я… э… – он запнулся. – Я постою здесь и посмотрю, как вы справитесь.

– Нужно, чтобы в лодке было трое: двое на веслах и один на руле, – спокойно сказал Кит. Спраг и Стайн переглянулись.

– Будь я проклят, если сделаю это, – заявил Стайн. – Раз вашей храбрости хватает только на то, чтобы смотреть со скалы, то и я не желаю рисковать большим.

– Уж кто бы говорил о храбрости… – вызывающе заметил Спраг.

Стайн ответил в том же тоне, и слуги оставили их в самый разгар перепалки.

– Справимся и без них, – сказал Кит товарищу. – Ты станешь с веслом на носу, а я сяду на руль. Главное, старайся держаться прямой линии. Когда мы тронемся, ты уже не сможешь слышать меня, так вот запомни: держись прямо, середины.

Они спустили лодку и вышли на середину реки. Навстречу им из ущелья доносился грозный рев, становившийся все сильнее по мере того, как они приближались к ужасной щели западни. Река вливалась в ущелье гладкой упругой струей, напоминавшей расплавленное стекло, и тут-то, под нависшими мрачными скалами, Малыш положил в рот щепотку табаку и налег на весла. Лодка взлетела на первый гребень хребта, и их тотчас же оглушил рев бушующих волн, который гулко отражали близко надвинувшиеся стены скал. Брызги и пена заливали их с головы до ног. По временам облака распыленной воды скрывали от Кита сидевшего на носу товарища. Все путешествие заняло не более двух минут. За это время они успели сделать по хребту три четверти мили и, благополучно выйдя из ущелья, пристали к песчаному берегу.

Малыш выпустил струю табачного сока – от волнения он забыл своевременно сплюнуть его – и с восторгом воскликнул:

– Вот уж медвежатина, так медвежатина! Послушай, Смок, а ведь мы и в самом деле молодцы хоть куда. Я должен сказать тебе, дружище, по секрету, что, перед тем как двинуться в путь, я трусил не меньше самого паршивого трусишки по эту сторону Скалистых Гор. А теперь, брат, я за медвежатину. Ну, идем, мы протащим и вторую лодку.

Возвращаясь назад пешком, они встретили на полпути своих хозяев.

– А вот идут мозгляки, – сказал Малыш. – Держись от этого запаха наветренной стороны!

IV

Кит и Малыш благополучно проделали путь во второй раз и, пристав к берегу, познакомились с женой хозяина лодки – его звали Брэк – стройной молодой женщиной; она со слезами на глазах поблагодарила их за помощь. Брэк попробовал всунуть Киту пятьдесят долларов и, получив отпор, попытался проделать это с Малышом.

– Послушайте, приятель, – возразил тот. – Я забрался в эту страну, чтобы выкачивать деньги из земли, а не из себе подобных.

Брэк порылся в своей лодке и вытащил оттуда полбутылки виски. Малыш протянул было к ней руку, но тотчас же отдернул ее. Он покачал головой.

– Там впереди нас ждет еще проклятая Белая Лошадь, а она, говорят, будет еще похуже этого Ящика. Пожалуй, лучше воздержаться пока от горячего.

Пройдя несколько миль по течению, они высадились на берег и отправились посмотреть на Белую Лошадь. Изобиловавшая порогами река отклонялась в этом месте к правому берегу, так как слева ей преграждал путь скалистый риф. Вся масса воды бешено устремлялась в узкий проход и, грозно ускоряя свой бег, вставала на дыбы злобными пенящимися волнами. Это и была ужасная грива Белой Лошади, где смерть пожинала еще большую жатву, чем в западне Ящика. По одну сторону гривы был пенящийся засасывающий водоворот, а с другой – быстрины, и, чтобы благополучно миновать то и другое, нужно было одолеть самую гриву.

– Да, эта штука почище Ящика, – решил Малыш.

Как раз в то время, когда они разглядывали гриву, у начала порогов показалась лодка. Это было судно футов тридцати в длину, нагруженное несколькими тоннами снаряжения и управляемое шестью мужчинами. Приближаясь к гриве, оно то взлетало, то ныряло и подчас совсем скрывалось из виду в облаках пены и брызг.

Малыш искоса многозначительно взглянул на Кита:

– Гляди, как здорово треплет, а ведь главное-то еще впереди. Они убрали весла. Вот теперь в гриве! Господи! Погибла! Нет, плывет!..

Несмотря на свои внушительные размеры, лодка совершенно скрылась из виду в вихре водяной пыли между пенистыми гребнями. Но в следующий момент она качалась уже на верхушке волны в самой гуще гривы. К своему удивлению, Кит увидел вдруг как на ладони все дно лодки; на какую-то долю секунды она повисла в воздухе, но все бывшие в ней люди остались спокойно сидеть на своих местах, кроме одного, стоявшего у руля на корме. Затем лодка нырнула вниз под гребень и снова скрылась из виду. Трижды она взлетала и ныряла таким образом. Как вдруг, в тот самый момент, когда лодка слетала с гривы, наблюдавшие с берега люди увидели, что нос ее погрузился в водоворот. Рулевой напрасно старался помешать этому, налегая всей своей тяжестью на руль; убедившись, что делу не поможешь, он сдался и дал лодке завертеться на месте.

Судно трижды описало круг, всякий раз проносясь так близко от скал, что Кит и Малыш легко могли бы перепрыгнуть в него с берега. Рулевой, мужчина с рыжеватой недавно отпущенной бородкой, помахал им рукой. Единственный путь из водоворота вел через гриву, и лодка, сделав еще один круг, косо врезалась в верхний конец ее. Рулевой, опасаясь, как бы лодку не затянуло в водоворот, замешкался и недостаточно быстро выпрямил ее. Когда он это сделал, было уже слишком поздно. Лодка взлетела вверх и зарылась носом; затем, вонзившись в гриву, она перевалила через крутую стену водоворота и отлетела на другую сторону реки. На сто футов ниже всплыли ящики и тюки, затем показалось дно лодки и в воде замелькали головы людей. Двоим из них удалось выбраться на берег. Остальных затянуло в водоворот, и вскоре быстрые воды скрыли из виду все следы крушения. Наступило долгое молчание. Первым заговорил Малыш.

– Пойдем, – сказал он. – Мы достаточно насмотрелись. Можно попробовать хоть сейчас. Если мы останемся здесь дольше, я никогда не решусь на эдакий фокус.

– Что ж, придется и нам обкуриться! – усмехнулся в ответ Кит.

– И я уверен, что ты вполне оправдаешь свое имя, – заявил Малыш. – Идемте, – обратился он к хозяевам.

Быть может, рев воды помешал им расслышать это приглашение.

Малыш и Кит побрели по колено в снегу к началу порогов и спустили лодку. Кит боролся между двумя настроениями. С одной стороны, он разделял страх своего товарища, а с другой – его подстегивало сознание, что Исаак Беллью и все остальные представители его рода не раз совершали такие подвиги в своем победоносном наступлении на Запад. То, что делали они, может сделать и он! Это было мясо – жесткое мясо, и Кит хорошо знал теперь, что по зубам оно только сильным людям.

– Теперь твой черед держаться верхушки хребта, – крикнул Малыш, запихивая в рот табачную жвачку, когда лодка, подхваченная стремительным течением, подошла к порогам.

Кит кивнул, налег всей тяжестью на руль и направил лодку на гребень волны.

Несколько минут спустя, лежа на песчаной отмели ниже Белой Лошади, Малыш выпустил струю табачного сока и пожал Киту руку.

– Мясо, мясо, – напевал он. – Мы едим его сырым! Мы едим его живым!

На берегу они встретили Брэка. Его жена стояла немного поодаль. Кит пожал ему руку.

– Боюсь, ваша лодка не справится тут. Она много меньше нашей и не очень-то устойчива.

Вместо ответа тот вытащил пачку кредиток.

– Я заплачу каждому из вас по сто долларов, если вы переправите ее.

Кит поглядел на вздымающуюся гриву Белой Лошади. Серые сумерки медленно окутывали берег, стало холоднее, и вся местность сразу приобрела дикий и мрачный вид.

– Дело не в этом, – сказал Малыш, – не нужно нам ваших денег. Мы до них и не дотронемся. Но мой товарищ дока насчет лодок, и если уж он говорит, что ваша не безопасна, значит, так оно и есть.

Кит подтвердил это кивком головы, но в этот момент он случайно посмотрел на миссис Брэк. Взгляд ее выражал такую мольбу, какой ему еще ни разу не приходилось читать в глазах женщины. Малыш проследил за его глазами и увидел то же самое. Оба приятеля смущенно переглянулись и не произнесли ни слова. Побуждаемые одним и тем же чувством, они подали друг другу знак и направились по тропинке, которая вела к началу порогов. Не успели они пройти и ста ярдов, как навстречу им попались Спраг и Стайн, спускавшиеся вниз.

– Вы куда? – спросил Стайн.

– Переправить еще одну лодку, – ответил Малыш.

– Оставьте ваши глупости. Уже темнеет, и вы оба должны приготовить нам все для ночлега.

Возмущение Кита было так велико, что он даже не удостоил их ответом.

– С ним жена, – сказал Малыш.

– Это его дело, – возразил Стайн.

– А также мое и Смока, – заявил Малыш.

– Я запрещаю вам, – грубо крикнул Спраг. – Смок, если вы сделаете еще один шаг, я рассчитаю вас.

– А я вас, Малыш, – добавил Стайн.

– И отправитесь без нас ко всем чертям, – ответил Малыш. – Как вы доставите свою лодку, будь она проклята, в Доусон? Кто будет подавать вам в постель кофе и помогать вам чистить ноготки? Идем, Смок! Они не осмелятся рассчитать нас. Кроме того, у нас есть договор, и если они попробуют сделать это, мы заставим их кормить нас до весны.

Не успели они выплыть на середину течения, как волны начали захлестывать лодку Брэка. Правда, волны были невелики, но они служили предвестником того, что ожидало их впереди. Малыш бросил насмешливый взгляд назад и принялся за свою неизменную жвачку, а Кит почувствовал, как в душе его закипает горячая нежность к этому толстому маленькому человечку, который, не умея даже плавать, все же не желал отступать перед грозящей опасностью.

Пороги становились все круче, и вокруг них уже появилась пена. В сгущающихся сумерках Кит увидел впереди гриву и изогнутую линию устремлявшегося в нее течения. В это течение Кит направил лодку и почувствовал удовлетворение, когда нос ее врезался в самую середину гривы. Затем все смешалось в бесконечных взлетах и ныряниях под ударами злобных хлестких волн. Кит вынес из этого хаоса лишь одно воспоминание: он налег всей своей тяжестью на руль и пожалел, что дядя не может увидеть его в этот момент. Они выплыли, едва переводя дух, промокшие до костей и затопленные почти до планшира. Более легкая часть груза плавала на поверхности скопившейся в лодке воды. Несколькими осторожными взмахами весла Малыш отвел лодку от водоворота, и течение мягко пригнало ее к берегу. Миссис Брэк следила за ними сверху. Слезы градом катились по ее щекам…

– Вы должны взять деньги, ребята! – крикнул им вниз Брэк.

Малыш попробовал подняться на ноги, но поскользнулся и шлепнулся в воду. Лодка сразу сильно накренилась и зачерпнула боком, но через минуту снова выпрямилась.

– К чертям деньги! – воскликнул Малыш. – Доставайте-ка лучше виски. Теперь, когда все это позади, я чувствую, что продрог до костей. Боюсь, что насморка не миновать.

V

Утром они, как всегда, оказались в самом хвосте отправлявшихся лодок. Брэк, несмотря на неисправность своей посудины и на то, что команда его состояла только из жены и племянника, снялся со стоянки, нагрузил лодку и отчалил при первых проблесках зари. Но Стайн и Спраг не торопились; эти молодчики, казалось, не понимали, что река может стать каждую минуту. Они фокусничали, притворялись больными и всячески мешали Киту и Малышу, вдвое затрудняя их работу.

– Честное слово, я начинаю терять уважение к природе, когда смотрю на эти два недоразумения в человеческом образе, – так выразил Малыш свое отвращение к хозяевам.

– Ну, зато ты самый настоящий человек, – усмехнулся в ответ Кит. – Чем больше я присматриваюсь к тебе, тем сильнее становится мое уважение к природе.

– Пожалуй, в этом случае она, действительно, справилась недурно, – сказал Малыш, стараясь под остротой скрыть удовольствие, которое доставил ему комплимент товарища.

Путь теперь лежал через озеро Ле-Барж, раскинувшееся перед ними на целых сорок миль. Там не было быстрых течений, и это расстояние им предстояло пройти на веслах: время попутного бриза миновало, и навстречу дул ледяной северный ветер. Он поднимал большие волны, которые затрудняли движение вперед. В довершение всех бед поднялась снежная метель, и весла стали так быстро покрываться ледяной коркой, что одному из путников пришлось взяться за топорик и специально заняться скалыванием ледяных сосулек. Когда пришла очередь сесть на весла Спрагу и Стайну, они покорились своей участи, но стали грести кое-как. Кит знал, что значит налегать всей тяжестью на весла, и хотя хозяева его делали вид, будто трудятся изо всех сил, он прекрасно понимал, что они едва задевают воду.

Проработав таким образом около трех часов, Спраг поднял свое весло и заявил, что им необходимо вернуться обратно в устье реки и отдохнуть. Стайн поддержал его, и пройденные с таким трудом мили пропали даром. Такие же безрезультатные попытки повторились на второй и на третий день. В устье реки скопилось множество лодок, беспрерывно прибывавших со стороны Белой Лошади, и из них образовалась целая флотилия в двести с лишним судов. Каждый день к ней присоединялось еще сорок или пятьдесят новых лодок, но только две или три из них добрались до северо-западного берега озера и не вернулись обратно. Озеро начало постепенно покрываться льдом, который тонким пластом тянулся от одного водоворота к другому, образуя хрупкую ледяную цепь. Со дня на день можно было ждать полного ледостава.

– Мы, несомненно, добрались бы сегодня до того берега, будь с нами настоящие люди, а не эти лоботрясы, – сказал Кит товарищу на третий день вечером, когда они сушили у огня свои мокасины, – надо же им было поворачивать обратно. Еще час – другой, и мы пристали бы к западному берегу. Это… это просто слюнявые младенцы, право.

– Верно, – согласился Малыш. Он протянул к огню свой мокасин и погрузился в короткое раздумье. – Послушай, Смок! До Доусона еще несколько сот миль. Нужно придумать что-нибудь, если мы не хотим замерзнуть тут. Что ты скажешь?

Но Кит только выжидательно смотрел на него.

– В сущности, эти слюнтяи в наших руках, – продолжал Малыш. – Они, правда, могут приказывать нам и сорить деньгами, но все же они, действительно, не больше чем сопляки. Если мы хотим добраться до Доусона, нужно самим позаботиться об этом.

Они обменялись многозначительным взглядом.

– Идет, – сказал Кит, скрепляя договор пожатием руки.

Под утро, задолго до восхода, Малыш подал сигнал к действию.

– Вставайте! – завопил он. – Шевелитесь вы, сони! Вот ваш кофе. Живо глотайте его! Мы сейчас трогаемся в путь.

Как ни ворчали и ни плакались Спраг и Стайн, их все же заставили сесть в лодку на два часа раньше обычного. Ветер дул еще сильнее, чем накануне, и лица путников вскоре покрылись изморозью, а весла отяжелели от льда. Целых три часа все четверо выбивались из сил – один рубил лед, другой управлял рулем, а двое гребли. Через определенные промежутки они сменяли друг друга. Северо-западный берег казался уже совсем близко, но ледяной ветер задул еще сильнее, и Спраг положил весло в знак того, что сдается. Малыш подскочил к нему, хотя отдых его еще только начался.

– Рубите лед, – сказал он, протягивая Спрагу топорик.

– Но к чему это? – заскулил Спраг. – Все равно ничего не выйдет. Нам придется вернуться.

– Нет, этого не будет, – ответил Малыш. – Мы пойдем вперед. Рубите лед, а когда вы почувствуете себя лучше, можете выругать меня.

Они прошли через адские муки холода и усталости, но все же добрались до берега; однако он оказался сплошь загроможденным обломками скал и утесами, так что пристать не было никакой возможности.

– Говорил я вам, что так будет, – захныкал Спраг.

– И словом не заикались, – возразил Малыш.

– Нужно вернуться.

Никто не произнес ни слова, и Кит направил лодку вдоль негостеприимного берега. Они подвигались вперед очень медленно, а временами два или три удара весел только-только давали им возможность удержаться на месте. Кит прилагал все усилия, чтобы вдохнуть бодрость в малодушных молодых людей. Он напоминал им, что лодки, добравшиеся до этого берега, не вернулись назад. Значит, они пристали где-нибудь повыше. Таким образом они проработали еще несколько часов.

– Если вы приложите к веслам хоть часть той энергии, с которой набрасываетесь по утрам на свой кофе, дело будет в шляпе, – подбодрял их Малыш. – Ведь вы только возите весла по воде, а чтобы приналечь – так ни-ни.

Через несколько минут Спраг вытащил свое весло.

– Я больше не могу, – сказал он со слезами в голосе.

– Нам тоже не легко, – ответил Кит; он сам был близок к тому, чтобы заплакать или убить кого-нибудь. – Но мы все же будем работать, пока не доберемся до берега.

– Мы возвращаемся. Поверните лодку.

– Малыш, если он не хочет грести, возьми у него весло, – приказал Кит.

– Есть, – отозвался тот, – пусть рубит лед.

Но Спраг отказался передать ему весло. Стайн тоже перестал грести, и лодку начало относить назад.

– Поворачивайте, Смок, – приказал Спраг.

И Кит, ни разу в жизни никого не обругавший, сам удивился своему азарту.

– Вы сперва отправитесь в ад ко всем чертям, – ответил он. – Ну, живо, берите весло и гребите.

В минуту полного упадка сил люди обычно сбрасывают с себя все навыки цивилизации. Такой именно момент наступил для всех четверых. Каждый из находившихся в лодке чувствовал, что дошел до последней крайности. Спраг сдернул рукавицу, вытащил револьвер и направил его на рулевого. Для Кита это было совершенно новое ощущение. На него никогда еще не поднимали оружия, и теперь он к своему удивлению убедился, что вид смер-

тоносного дула нисколько не действует на него, точно это была самая обыкновенная вещь в мире.

– Если вы не уберете револьвер, – сказал он, – я отниму его у вас и изобью вас этим самым револьвером.

– Если вы не повернете лодку, я застрелю вас, – пригрозил Спраг.

Тут вмешался в дело Малыш. Он перестал рубить лед и стал позади Спрага.

– А ну-ка, попробуйте, – сказал Малыш, помахивая топориком. – У меня давно уже руки чешутся проломить вашу дурацкую башку. Ну, валяйте же, открывайте представление.

– Но это настоящий бунт! – вмешался Стайн. – Вас наняли, чтобы вы исполняли наши приказания.

Малыш повернулся к нему.

– А с вами я разделаюсь, когда покончу с вашим товарищем, свинячья курица!

– Спраг, – сказал Кит, – даю вам ровно полминуты, чтобы убрать револьвер и взяться за весло.

Спраг заколебался, затем с истерическим смешком вложил револьвер в кобуру и согнулся над веслом.

В течение двух часов, отвоевывая дюйм за дюймом, они пробирались вдоль покрытых пеною скал, и Кита начинало уже мучить сомнение, не ошибся ли он. Но в ту минуту, когда он готов был признать себя побежденным и повернуть обратно, сбоку показался узкий проливчик – вход в защищенную бухту, где самые свирепые ветры вызывали лишь легкую рябь. Это и была та гавань, в которой укрылись лодки, отправившиеся раньше. Кит направил лодку к пологому берегу и вместе с Малышом вытащил ее на песок, в то время как их хозяева в полной прострации лежали на дне ее. Затем оба приятеля развернули палатку, развели огонь и принялись за стряпню.

– Что значит «свинячья курица», Малыш? – спросил Кит.

– А будь я проклят, если я знаю, – последовал ответ. – Но к нему это очень подходит.

Метель постепенно стихала и ночью улеглась совсем. Морозный воздух был неподвижен; небо ясно и холодно. Чашка кофе, которую отставили, чтобы дать ей простыть, через несколько минут покрылась слоем льда в полдюйма толщиной. В восемь часов, когда Спраг и Стайн уже спали мертвым сном, завернувшись в свои одеяла, Кит отправился взглянуть на лодку.

– Ледостав в полном ходу, – заявил он, вернувшись к стоянке. – Почти весь заливчик уже затянулся ледяной корой.

– Что же нам делать?

– Выход только один. Первым, разумеется, замерзает озеро. Благодаря быстрому течению река еще несколько дней будет судоходной. Всем лодкам, которые останутся до завтра на озере Ле-Барж, придется зимовать здесь.

– Ты хочешь сказать, что нам нужно сегодня же ночью двинуться дальше? Сейчас?

Кит утвердительно кивнул головой.

– Эй вы, сони, шевелитесь, – загремел в ответ Малыш и, не долго думая, принялся срывать веревки, которыми палатка прикреплялась к колышкам.

Те проснулись, ворча и жалуясь на боль в затекших членах. Им мучительно хотелось спать, и они едва раздирали слипавшиеся глаза.

– Который час? – спросил Стайн.

– Половина девятого.

– Но ведь совсем темно, – возразил тот.

Малыш сорвал еще несколько веревок, и палатка начала оседать.

– Да не утра, а вечера, – сказал он. – Теперь вечер. Живо вставайте. Озеро замерзает. Нам нужно переправиться через него.

Стайн решительно сел. Лицо его перекосилось от раздражения.

– И пусть его замерзает. Мы не двинемся отсюда.

– Как хотите, – заявил Малыш. – В таком случае мы уедем на вашей лодке.

– Мы наняли вас…

– Чтобы доставить вас в Доусон, – прервал его Малыш. – Что же, разве мы не стараемся исполнить то, за что взялись?

Он подкрепил свой ядовитый вопрос тем, что сорвал половину палатки, приходившуюся как раз над головами хозяев.

Они проложили себе путь по тонкому льду и, выйдя из маленькой гавани, очутились в озере, где тяжелая и холодная вода замерзала на веслах при каждом взмахе. Скоро вся водная гладь покрылась салом, которое сильно затрудняло работу, и блестящие капли воды, срывавшиеся при взмахах весел, еще в воздухе превращались в сверкающие льдинки. Затем поверхность озера затянулась тонкой коркой, и лодка двигалась все медленнее и медленнее.

Впоследствии, когда Кит старался восстановить в памяти эту ночь и перед ним проходили отрывочные кошмарные воспоминания, он представлял себе, что должны были испытывать тогда Стайн и Спраг, совершенно не приспособленные к таким жестоким испытаниям! О себе он помнил только одно: он боролся с жестоким холодом и безмерной усталостью, боролся бесконечно долго, целое тысячелетие, а может быть, и дольше.

Утро застало их на середине озера; лодка стояла неподвижно. Стайн жаловался на отмороженные пальцы, Спраг – на отмороженный нос; а боль в щеках и носу убеждала Кита, что и он пострадал не на шутку. По мере того как заря разгоралась, взор их охватывал все большее пространство, и повсюду они видели только одно – беспредельную ледяную гладь. В ста ярдах от них вырисовывался северный берег. Малыш уверял, что видит там устье реки и текущую воду. Только он и Кит были еще в состоянии работать. Они разбивали веслами лед и с трудом двигали лодку вперед. И в тот момент, когда силы готовы были изменить им, лодка вошла в быстрое течение реки. Оглянувшись, они увидели несколько лодок, всю ночь пробивавшихся по льду вслед за ними и теперь безнадежно застрявших на озере. Их же подхватило течение, и они понеслись вперед со скоростью шести миль в час.

VI

День за днем плыли они по быстрой реке, и день за днем полоса льда у берегов становилась все шире, приближаясь к середине реки. Устраиваясь на ночь, они вырубали во льду полынью для лодки и переносили все необходимое для стоянки на берег, который отделяли теперь от воды несколько сот ярдов льда. Утром же они прорубали лед, образовавшийся за ночь вокруг лодки, и снова направлялись по течению. Малыш ухитрился поставить в лодке железную печурку, и Стайн и Спраг не отрывались от нее в продолжение долгих томительных часов плавания. Они смирились, перестали отдавать приказания и мечтали только об одном – поскорее добраться до Доусона. Малыш, настроенный как всегда пессимистично, но неутомимый и бодрый, постоянно мурлыкал первый куплет песни, продолжение которой он позабыл. И чем холоднее становилось, тем чаще он напевал:

Как аргонавты в старину,
Покинули мы дом,
И мы бредем, тум-тум, тум-тум,
За Золотым руном…

Проходя мимо устьев реки Хуталинквы и рек Большого и Малого Лососей, они увидели, что и эти несут в Юкон ледяное сало. Оно скоплялось вокруг лодки и налипало на

весла. Теперь им приходилось прорубать лед по вечерам, чтобы выйти из течения, и наутро снова скалывать его, чтобы вывести лодку на середину реки.

В последнюю ночь они устроили стоянку между реками Белой и Стюарт. Проснувшись рано утром, они увидели, что широкий, в полмили, Юкон превратился в узкую белую ленту между обросшими льдом берегами. Малыш проклял вселенную – на этот раз без обычной изысканности – и посмотрел на Кита.

– Наша лодка, несомненно, будет последней из тех, что придут в Доусон, – сказал Кит.

– Но ведь воды совсем не видно, Смок.

– Что ж, придется проламывать лед. Идем!

Стайн и Спраг тщетно пытались протестовать – их безжалостно водворили в лодку. В продолжение получаса Кит и Малыш, работая топорами, старались прорубить путь к быстрому, но надежному течению. Когда им удалось, наконец, выбраться из прибрежного льда, плавучие льдины прогнали лодку на несколько сот ярдов вдоль берега, сорвав при этом половину одного из планширов и нанеся еще кое-какие повреждения. У нижнего края излучины они попали, наконец, в течение, которое понесло их к середине реки. Сало к тому времени успело уже смениться крепкими льдинами и сохранилось только в промежутках между отдельными глыбами льда. Однако и там оно быстро твердело, превращаясь на глазах в крепкую массу. Отталкивая льдины веслами и иногда вылезая на них, чтобы провести лодку, путники, проработав добрый час, вывели свое судно на середину реки. И через пять минут после этого лодка примерзла ко льду. Вся река останавливалась на ходу. Льдина примерзала к льдине, и лодка, застряв посреди огромной глыбы, поплыла вместе с ней. Подчас они шли боком, подчас их поворачивало кормой вперед, и тогда льдины расступались перед ними только для того, чтобы через минуту сомкнуться еще более плотной массой. Проходили томительные часы, а Малыш поддерживал в печке огонь, варил еду и мурлыкал свою неизменную боевую песенку.

Настала ночь. После долгих тщетных попыток они отказались от мысли привести лодку к берегу и, в состоянии полной беспомощности, отдались на волю реки, подвигаясь вперед в полной темноте.

– А что если мы проскочим мимо Доусона? – спросил Малыш.

– Что же, вернемся обратно, – ответил Кит, – если только нас не сотрет до тех пор в порошок.

Небо было чистое, и при свете холодных мигающих звезд они улавливали мрачные очертания гор, поднимавшихся с обеих сторон. В одиннадцать часов снизу донесся глухой скрипучий звук. Лодка стала постепенно замедлять ход, и льдины начали с треском налезать друг на друга, все теснее окружая ее. Река замерзла. Одна из льдин взгромоздилась на глыбу, в которой застряла их лодка, и снесла один из бортов. Судно не потонуло только потому, что его тут же задержали другие льдины, но на мгновение они все же увидели под собой, на расстоянии какого-нибудь фута, черную полосу воды. Однако через полчаса река снова собралась с силами и тронулась. Целый час она мужественно сопротивлялась грозной мощи полярного холода и, обессилев, остановилась во второй раз. Затем еще раз ей удалось вырваться из оков льда, и она с неистовым грохотом и треском понеслась вперед в диком стремительном беге. На этот раз они увидели огни на берегу, и в тот же момент река сдалась окончательно и стала на шесть месяцев.

В Доусоне на берегу собралось несколько любопытных, чтобы посмотреть, как замерзает река, и из темноты к ним донесся воинственный напев Малыша:

Как аргонавты в старину,
Покинули мы дом,
И мы бредем, тум-тум, тум-тум,

За Золотым руном.

VII

Три дня Кит и Малыш перетаскивали на берег полторы тонны снаряжения. Они складывали его в деревянной хижине, которую их хозяева купили на склоне горы, поднимавшейся над Доусоном. К вечеру третьего дня, когда работа была закончена, Спраг, сидя в теплой хижине, подозвал к себе Кита. Снаружи градусник показывал шестьдесят пять ниже нуля.

– Ваш месяц еще не кончился, Смок, – сказал хозяин. – Но вот вам полностью ваше месячное жалованье. Желаю вам удачи.

– А как же наше условие? – спросил Кит. – Вы знаете, что здесь теперь голод. Человек, у которого нет своего продовольствия, не может получить работы даже на приисках. Ведь мы условились…

– Ни о каких условиях и речи не было, – перебил его Спраг. – Не правда ли, Стайн? Мы наняли вас помесячно. Вот ваше жалованье. Напишите расписку в получении.

Руки Кита невольно сжались в кулаки, и кровь прилила к голове. Оба хозяина отскочили от него. До этой минуты Кит никогда не поднимал руки на человека, но тут он почувствовал, что способен превратить Спрага в лепешку, и эта уверенность удержала его.

Малыш заметил волнение товарища и поспешил вмешаться.

– Послушай, Смок, я тоже не желаю больше путешествовать с таким поганым грузом. Теперь самое время бросить этих молодчиков. Давай работать вместе. Идет? Ну, забирай свои одеяла и валяй в «Элькгорн». Жди меня там. Я должен привести здесь в порядок свои дела: получить то, что мне причитается, и отдать то, что им причитается. На воде я мало чего стою, но когда под ногами твердая почва, Малыш в грязь лицом не ударит.

Через полчаса Малыш явился в «Элькгорн». По его окровавленным пальцам и расцарапанной щеке можно было смело заключить, что он отдал Спрагу и Стайну то, что им причиталось.

– Эх, посмотрел бы ты теперь, что творится в их хижине, – с торжеством рассказывал он, стоя с Китом у стойки бара. – Мало сказать, что там все вверх ногами. Пари держу, что ни один из них целую неделю не высунет на улицу носа. Наше дело теперь ясное. Продовольствие в среднем стоит сейчас полтора доллара фунт. Никакой работы нам не дадут, пока мы не обзаведемся собственным продовольствием. Лосиное мясо продается на рынке по два доллара за фунт, да и то его не достать. У нас достаточно денег, чтобы прокормиться месяц и приобрести все необходимое для охоты – давай-ка заберемся поглубже в бассейн Клондайка. Если нам не удастся встретить лосей, мы пристанем к индейцам и проживем зиму с ними. Но если через шесть недель у нас не будет пяти тысяч фунтов лосятины, я готов вернуться к нашим хозяевам и извиниться перед ними. Идет?

Они пожали друг другу руку. Но тут Кит замялся.

– Я ни черта не смыслю в охоте, – сказал он.

Малыш поднял свой стакан.

– Зато ты знаешь толк в медвежатине; а всему остальному я тебя научу.

На Бабий ручей

I

Спустя два месяца Смок Беллью и Малыш, вернувшись с охоты на лосей, снова очутились в салуне «Элькгорн» в Доусоне. Охота была закончена, мясо доставлено в город и продано по два с половиной доллара за фунт; оба приятеля, таким образом, оказались обладателями трех тысяч долларов золотым песком и славной упряжки собак. Им очень повезло. Несмотря на то, что толпы золотоискателей загнали дичь за сотню миль в горы, им удалось на полпути от города подстрелить в узком ущелье четырех лосей.

Появление лосей в такой близости от жилья было так же удивительно, как и счастье наших охотников, ибо в тот же самый день Смок и Малыш встретили на пути четыре голодные индейские семьи, которым уже три дня не попадалось никакой дичи. Друзья дали им мяса за полумертвых от голода собак и в продолжение недели откармливали животных; затем запрягли их и повезли мясо на изголодавшийся рынок Доусона.

Теперь задача заключалась в том, чтобы превратить золотой песок в продовольствие. Фунт муки или бобов стоил на рынке полтора доллара, но и за эту цену трудно было найти желающего продать их. В Доусоне царил настоящий голод. Сотни людей, с деньгами, но без продовольствия, покидали страну. Многие отправились вниз по реке перед самым ледоставом, а еще больше золотоискателей, обладавших кое-какими жалкими запасами, прошли шестьсот миль по льду в Дайю.

В жарко натопленном салуне Смок встретил Малыша. Тот ликовал.

– Жизнь ни черта не стоит без виски и сахара! – с таким приветствием встретил товарища Малыш, срывая с подтаявших усов ледяные сосульки и бросая их на пол. – А я как раз раздобыл целых восемнадцать фунтов сахара. Дуралей продавец спросил всего по три доллара за фунт. А как твои дела?

– Я тоже не зевал, – гордо ответил Смок. – Мне удалось купить пятьдесят фунтов муки. А один человек с Адамова ручья пообещал доставить мне завтра еще пятьдесят.

– Славно! Теперь мы несомненно продержимся до тех пор, пока вскроется река. Послушай, Смок, наши-то псы, оказывается, просто клад. Скупщик собак предложил мне тысячу долларов за пять штук, по двести за каждую. Я сказал ему, что дело не пойдет. А все-таки сердце болит, когда скармливаешь псам пищу по два с половиной доллара за фунт. Ну-ка выпьем, товарищ. Я хочу вспрыснуть эти восемнадцать фунтов сахара.

Через несколько минут, когда отвешивали на весах из его мешка золотой песок за выпитое, Малыш вдруг хлопнул себя по лбу.

– Совсем из головы вон, что у меня назначено в «Тиволи» свидание с одним человеком. У него есть испорченная свинина, которую он собирается продать мне по полтора доллара за фунт. Мы сможем кормить ею собак и сэкономим таким образом по доллару в день на каждой кормежке. Ну, до свидания, до скорого.

– До скорого, – ответил Смок. – Я загляну в хижину и вернусь сюда.

Не успел Малыш выйти, как в салун вошел закутанный в меха человек. Лицо его просияло при виде Смока, это был Брэк, тот самый золотоискатель, чью лодку они переправили через Ящичное ущелье и пороги Белой Лошади.

– Мне сказали, что вы в городе, – торопливо заговорил Брэк, пожимая Смоку руку. – Я уже полчаса ищу вас повсюду. Выйдем на улицу, мне нужно поговорить с вами.

Смок кинул грустный взгляд на гудящую, раскаленную докрасна печь.

– А нельзя ли здесь?

– Нет. Это чрезвычайно важно. Идемте.

Когда они вышли, Смок снял одну из своих рукавиц, зажег спичку и посмотрел на градусник, висевший снаружи на дверях. Он поспешно сунул в варежку обнаженную руку, словно мороз обжег ее. Над головой пламенело северное сияние, а со всех концов Доусона доносился мрачный вой тысяч голодных собак.

– Сколько он показывает? – спросил Брэк.

– Шестьдесят ниже нуля[3]. – Кит плюнул для проверки, и слюна тотчас же замерзла в воздухе. – А ртуть и не думает останавливаться. Она падает все ниже и ниже. Час назад термометр показывал пятьдесят два. Если разговор будет о том, чтобы двинуться на новые прииски, то об этом лучше не говорить.

– Вот именно об этом, – прошептал Брэк, боязливо оглядываясь, чтобы кто-нибудь не подслушал их. – Вы слыхали о Бабьем ручье? Он вливается в Юкон по ту сторону, на тридцать миль выше.

– Там нечего делать, – заявил Смок. – Его весь перерыли уже много лет назад.

– Но ведь то же самое было и с другими богатейшими ручьями. Поверьте мне. Это замечательное дело. Россыпи всего на глубине от восьми до двадцати футов. Там нет такого участка, в котором лежало бы меньше полумиллиона. Это величайшая тайна. Два близких друга посвятили меня в это дело. Я сказал жене, что должен непременно разыскать вас, прежде чем двинуться в путь. Ну, до свиданья. Мое снаряжение спрятано на берегу. Дело в том, что друзья взяли с меня слово не трогаться в путь, пока весь Доусон не заснет крепким сном. Ведь вы знаете, что произойдет, если кто-нибудь увидит вас со снаряжением. Возьмите своего товарища и следуйте за нами. Можете занять четвертый или пятый участок от Пробного. Не забудьте же: Бабий ручей, это третий после Шведского ручья.

II

Войдя в маленькую хижину на склоне горы, Смок услышал громкий знакомый храп.

– Л-у-у – ложись-ка, брат, спать, – пробормотал Малыш, когда товарищ начал трясти его за плечо. – Я сегодня не дежурный, – заявил он через минуту. – Обратись к буфетчику в баре.

– Живо напяливай свой мундир, – сказал Смок, – мы отправляемся сейчас же; нужно занять два участка.

Малыш сел и начал ругаться. Смок прикрыл ему рот рукой.

– Шш… – предостерег он, – это замечательное дело. Не буди соседей. Весь Доусон спит.

– Да уж, разумеется. Разве бывают не замечательные дела! И, конечно, смертельная тайна. Удивительно, право, как все попадаются на одну и ту же удочку!

– Бабий ручей, – прошептал Смок. – Дело верное. Мне сообщил о нем Брэк. Очень мелкое ложе. Золото залегает чуть не под ногами. Ну, шевелись же. Мы соберемся налегке и двинемся в путь.

Глаза Малыша закрылись, и он снова захрапел. В следующий момент Смок сдернул с него одеяло и бросил его на пол.

– Если ты не желаешь поддержать компанию, я ухожу один, – заявил он.

Малыш последовал за одеялом и начал одеваться.

– Собак возьмем? – спросил он.

– Нет. Дорога к ручью не протоптана, и мы быстрее справимся без них.

[3] По Фаренгейту.

– В таком случае я задам им корму, чтобы хватило до нашего возвращения. Не забудь захватить с собой березовой коры и свечку.

Малыш открыл дверь и, почувствовав жало мороза, отскочил назад, поспешно опуская наушники и натягивая рукавицы.

Через пять минут он вернулся, изо всех сил растирая нос.

– Смок, я решительно против этой прогулки. На улице холоднее, чем было в преисподней за тысячу лет до того, как там развели первый огонь. Кроме того, сегодня пятница и тринадцатое число – все данные за то, что мы останемся с носом.

Привязав за спину легкие походные мешки, они закрыли за собой дверь и стали спускаться с холма. Северное сияние уже не играло на потемневшем небе, и только звезды мигали в застывшем воздухе, сбивая с пути своим неверным светом. Малыш свернул с тропинки, провалился в глубокий снег и начал громко ругаться, проклиная число, день, месяц и год, когда он родился.

– Перестань, пожалуйста, и оставь календарь в покое. Ты поднимешь на ноги весь Доусон и направишь его по нашим следам.

– Гм! А видишь свет вон в той хижине, и в той, и там дальше? А слышишь, как хлопнула дверь? О, разумеется, Доусон спит. Огни? Просто люди хоронят своих покойников. Они и не думают отправляться за золотом, совсем забыли о нем.

Когда они спустились к подножию холма и вошли в самый город, во всех хижинах уже мелькали огни, повсюду хлопали двери, а сзади слышался скрип множества мокасинов по плотно утоптанному снегу. Малыш снова пустился в рассуждения:

– Чертовски много покойников в этом городе.

Они прошли мимо человека, стоявшего у края дороги. Он тревожно звал кого-то вполголоса:

– Чарли, а Чарли? Да шевелись же ты!

– Заметил мешок у него на спине, Смок? Кладбище-то, должно быть, здорово далеко, если провожающим приходится брать с собой одеяла.

Когда они вышли на главную улицу, за ними тянулся уже хвост в несколько сот человек, и, пробираясь при неверном свете звезд к берегу, они слышали со всех сторон топот человеческих ног, спешивших вслед за ними. Малыш поскользнулся и слетел с высоты тридцати футов в рыхлый снег. Смок последовал за ним, сбив его снова в тот момент, когда тот поднимался на ноги.

– Я нашел первый, – фыркнул Малыш, снимая свои рукавицы, чтобы отряхнуть с них снег.

А через минуту они делали отчаянные усилия, чтобы выкарабкаться из-под груды тел, посыпавшихся на них сверху. Во время ледостава в этом месте образовался затор, и нагроможденные друг на друга льдины были теперь коварно прикрыты слоем снега. Перекувыркнувшись несколько раз, Смок зажег свечу. Люди, шедшие позади, приветствовали свет громкими криками. Свеча ярко горела в неподвижном воздухе, и путники пошли быстрее.

– Это несомненно поход за золотом, – решил Малыш, – если только все они не лунатики.

– Во всяком случае, мы во главе шествия, – ответил Смок.

– Ну, как знать? Вон там впереди, кажется, светлячок. А может, это все светлячки – вон там, и там, и там. Погляди-ка! Нет, уж поверь мне, дружище: впереди немало таких же умных, как мы.

Чтобы перебраться на западный берег Юкона, нужно было пройти целую милю по нагроможденным льдинам, и свечки мигающей цепью тянулись во всю длину извилистой тропинки. А позади, до самой вершины горы, с которой они только что спустились, мерцали такие же путеводные огоньки.

– Послушай, Смок, это уже настоящий «исход». Впереди нас, должно быть, добрая тысяча, а позади никак не меньше десяти. Послушай разок своего дядюшку, дружок, нюх у меня на этот счет замечательный. Уж если я почую неладное, так оно и будет. Мы напрасно впутались в эту историю. Повернем-ка домой и завалимся на боковую.

– Ты бы лучше поберег свои легкие, если собираешься дойти до конца, – грубо оборвал его Смок.

– Не беспокойся. Хотя ноги у меня короткие, но ходок я заправский и не боюсь никакой усталости. Будь уверен, что ни один из этих молодцов не обгонит меня на льду.

И Смок знал, что это правда; он успел убедиться в феноменальной выносливости своего товарища.

– А я нарочно стараюсь идти медленнее, чтобы ты не отстал, – поддразнил он Малыша.

– Вот потому-то я и наступаю тебе на пятки, – огрызнулся тот. – Если ты не можешь идти быстрее, так пусти меня вперед, я, пожалуй, поучу тебя, как это делается.

Смок ускорил шаг и вскоре поровнялся с кучкой золотоискателей.

– Ну-ка, Смок, разведи пары, – поощрял его товарищ. – Обгони-ка этих непогребенных покойников. Тут тебе, брат, не похороны. Живо! Чтобы в ушах засвистело!

Смок насчитал в этой группе восемь мужчин и двух женщин; не успели товарищи перебраться через нагроможденные льдины, как обогнали другую партию – двадцать рослых мужчин. На расстоянии нескольких футов от западного берега тропа сворачивала к югу и тянулась дальше по гладкому ледяному полю. Лед, однако, был покрыт слоем снега в несколько футов толщиной. Этот великолепный санный путь перерезала узкая лента утоптанной пешеходами тропинки шириной в два фута. По обеим сторонам ее поднимались снежные сугробы, в которых люди тонули по колено, а то и выше. Пешеходы, которые шли впереди, очень неохотно уступали дорогу, и Смоку с товарищем часто приходилось сворачивать в глубокий снег и с величайшим трудом обходить их.

Настроение Малыша оставалось мрачным и непримиримым. Когда золотоискатели бранились, не желая пропускать их вперед, он отвечал им в том же духе.

– Куда это вы торопитесь? – спросил один из них.

– Туда же, куда и вы, – ответил Малыш. – Только не везет вам. Вчера туда прошла целая орава золотоискателей с Индейской реки. Они доберутся раньше вашего и не оставят вам ни одного свободного участка.

– Если так, то чего же вы порете горячку?

– Кто? Я? Я не золотоискатель. Я по казенному делу, правительство послало, вот и тащусь на этот проклятый Бабий ручей, чтобы произвести перепись.

Другой весело приветствовал Малыша:

– Эй, малютка, куда собрался? Неужели ты и впрямь надеешься занять участок?

– Я? – ответил Малыш. – Я-то и открыл Бабий ручей. Теперь я сделал заявку и возвращаюсь обратно, чтобы какой-нибудь проклятый чечако не зажилил мой участок.

В среднем, идя по ровному месту, золотоискатели проходили в час три с половиной мили. Но Смок и Малыш делали по четыре с половиной, а временами пускались бегом и продвигались еще быстрее.

– Я решил совсем загнать тебя, Малыш, – поддразнивал товарища Смок.

– Что же, посмотрим – кто кого. Боюсь, как бы твои мокасины не протерлись раньше времени. Хотя, сказать правду, торопиться-то не для чего. Я вот все думаю. Каждая заявка на ручье должна иметь не меньше пятисот футов. Скажем, по десять участков на милю. Впереди нас тысячи золотоискателей, а речонка не длиннее ста миль. Кому-нибудь придется получить шиш, и мне почему-то кажется, что это будем мы с тобой.

Прежде чем ответить, Смок вдруг прибавил шагу и опередил Малыша на десяток футов.

– Если бы ты поберег дыхание и перестал скулить, мы, пожалуй, обогнали бы кое-кого из этой тысячи, – заявил он.

– Кому ты это говоришь? Мне? Да если бы ты пустил меня вперед, я давно показал бы тебе, что значит настоящая ходьба.

Смок рассмеялся и снова опередил товарища. Все это приключение представлялось ему теперь в совершенно ином свете. В голове его вертелась фраза безумного философа: «переоценка ценностей». В сущности, его не столько интересовал в этот момент вопрос о богатстве, сколько желание во что бы то ни стало победить Малыша в ходьбе. «В общем, – рассуждал он, – не так привлекателен выигрыш, как сам процесс игры». Его мозг, мускулы, выдержка, его душа принимали участие в этом состязании с Малышом – человеком, который никогда не заглядывал в книгу, не мог отличить оперы от легкой салонной пьесы или эпоса от газетного фельетона.

– Берегись, Малыш, не сдобровать тебе. С тех пор, как я высадился на берег в Дайе, все клеточки моего организма просто переродились. Теперь мои мускулы гибки, как ремни бича, коварны и жестоки, как жало гремучей змеи. Всего несколько месяцев назад я с удовольствием написал бы эти слова, но тогда они не пришли бы мне в голову. Для этого нужно было сначала вжиться в них; а теперь, когда они сделались реальностью, я не чувствую никакой потребности изображать их на бумаге. Теперь я настоящий человек, закаленный, прожженный до мозга костей. Пусть-ка попробует кто-нибудь из этих чертовых горцев задеть меня – я ему вдвое насыплю. Ну а теперь – ступай-ка ты вперед на полчасика и покажи свою прыть, а когда настанет мой черед, я покажу тебе, что значит идти быстро.

– Послушай-ка его, – весело усмехнулся Малыш. – С кем ты состязаться-то вздумал? Ну-ка, пропусти своего папашу, сынок, – он покажет тебе, как ходят мужчины.

Через каждые полчаса они сменяли друг друга, по очереди устанавливая рекорд скорости. Говорили они мало. Быстрота движения согревала их, хотя дыхание замерзало на лицах, покрывая инеем губы и подбородок. Мороз был так силен, что им почти беспрерывно приходилось растирать рукавицами нос и щеки. Как только они опускали руки, открытые части лица тотчас же немели и требовалась удвоенная энергия, чтобы вызвать острое покалывание – признак восстанавливающегося кровообращения.

Часто приятелям казалось, что впереди уже никого нет, но всякий раз они натыкались на новые партии золотоискателей, вышедших из Доусона значительно раньше. Случалось, что некоторые из них делали попытку идти в ногу со Смоком и его товарищем, но, пройдя одну-две мили, неизменно отставали и исчезали в темноте.

– Мы с тобой немало пострaнствовали нынешней зимой, а эти неженки отлежали себе все бока в теплых хижинах да туда же – думают угнаться за нами. Если бы еще это были настоящие мужчины! Ведь настоящий мужчина прежде всего должен быть силен в ходьбе.

Раз как-то Смок зажег спичку и взглянул на часы. Больше он не повторял этого; как ни быстро было движение его обнаженных рук, прошло целых полчаса, прежде чем ему удалось привести их в нормальное состояние.

– Четыре часа, – сказал он, натягивая рукавицу, – а мы обогнали уже человек триста.

– Триста тридцать восемь, – поправил Малыш. – Я считал все время. Эй, приятель, пропусти-ка. Дай пройти тому, кто смыслит в этом деле побольше твоего.

Человек, к которому относились эти слова, был, по-видимому, измучен до крайности и, спотыкаясь, тащился по дороге, загораживая им путь. Этот да еще один такой же путник были единственными неудачниками, которые попались им на пути; теперь они были очень близко от головной части потока золотоискателей. Только спустя много дней они узнали о всех ужасах этой ночи. Выбившиеся из сил люди присаживались отдохнуть на краю дороги и уже больше не вставали. Семеро замерзли насмерть, а нескольким десяткам выживших ампутировали в Доусоновской больнице пальцы, ступни и руки. Ночь великого похода на

Бабий ручей была одной из самых холодных в ту зиму. Перед рассветом спиртовые градусники в Доусоне показывали семьдесят ниже нуля, а люди, участвовавшие в «походе», были, за малыми исключениями, новички, не привыкшие к таким холодам.

Второго выбывшего из строя человека они заметили несколько минут спустя, при вспышке северного сияния, которое, подобно прожектору, прорезало по временам небо от горизонта до зенита. Человек этот сидел у дороги на глыбе льда.

– Эй, тетка, вставай! – весело окликнул его Малыш. – Ну-ка, поживее! Если будешь эдак присаживаться, мороз живо скрутит тебя.

Человек ничего не ответил, и они остановились, чтобы узнать, что с ним.

– Тверд, как кочерга, – заявил Малыш. – Если уронить его – разобьется вдребезги.

– Посмотри, дышит ли он? – сказал Смок, стараясь в то же время прощупать сквозь мех и шерстяные фуфайки сердце несчастного.

Малыш поднял один из наушников и приложил ухо к заледеневшим губам.

– Не дышит, – доложил он.

– И сердце не бьется, – сказал Смок.

Он надел рукавицы и начал с ожесточением бить одну руку о другую. Согрев руки, он опять снял рукавицу и зажег спичку. Перед ними был старик, без всякого сомнения, мертвый. В тот момент, когда спичка вспыхнула, они увидели длинную седую бороду, покрытую до самого носа ледяными сосульками, побелевшие щеки и плотно закрытые глаза с бахромой инея на месте ресниц. Спичка погасла.

– Ну, идем, – сказал Малыш, растирая ухо. – Мы ничего не можем сделать для старика. А я, кажется, отморозил себе ухо. Теперь вся кожа, чтоб ей провалиться, начнет слезать, и целую неделю будет чертовская боль.

Через несколько минут, когда пылающая лента северного сияния залила огнем все небо, они увидели впереди себя на расстоянии четверти мили две человеческие фигуры. Дальше на целую милю не было заметно никакого движения.

– Эти впереди всех, – сказал Малыш, когда снова воцарилась темнота. – Ну-ка, брат, догоним их.

Но прошло полчаса, а фигуры все еще были впереди. Малыш пустился бегом.

– Если мы и догоним их, то перегнать уж во всяком случае не удастся, – задыхаясь произнес он. – Ну, и жарят же, черт бы их побрал. Голову дам на отрез, что это не чечако. Будь уверен, что это самые настоящие старожилы.

Когда они, наконец, нагнали их, Смок оказался как раз впереди и с удовольствием пошел с ними в ногу. Почти сразу у него явилась уверенность, что человек, идущий рядом с ним, – женщина. Он сам не мог бы сказать, откуда взялась у него эта уверенность. Закутанная в меха, темная фигура ничем не отличалась от всех других; однако Смоку почудилось в ней что-то знакомое. Он подождал следующей вспышки сияния и при свете его разглядел маленькие, обутые в мокасины ноги. Но он увидел еще больше – походку. И тотчас же узнал ту самую походку, которую решил однажды никогда не забывать.

– Ну и шагает же, – хриплым голосом произнес Малыш. – Держу пари, что это индианка.

– Как поживаете, мисс Гастелл? – спросил Смок.

– Благодарю вас, – ответила она, быстро повернув голову и окидывая его недоумевающим взглядом. – Слишком темно, я ничего не вижу. Кто вы?

– Смок.

Она рассмеялась на морозном воздухе, и он тотчас же решил, что никогда не слышал такого очаровательного смеха.

– Ну, что же, женились вы, как обещали мне тогда? Много ли успели наплодить ребят?

Но прежде чем он собрался ответить, она спросила:

– Сколько там чечако позади нас?

– Должно быть, несколько тысяч. Мы обогнали больше трехсот, и они здорово торопились.

– Старая история, – ответила она с горечью. – Новички забирают себе богатейшие участки, а старожилы, которые явились в эту страну первыми, страдали здесь и мучились, остаются ни с чем. Это старожилы открыли Бабий ручей (как пронюхали об этом чечако, совершенно непонятно!) и сейчас же дали знать старожилам с Львиного озера. Но озеро это находится в десяти милях от Доусона, и пока те доберутся до ручья, все будет уже занято доусоновскими чечако. Это несправедливо возмутительно!

– Да, это очень плохо, – посочувствовал ей Смок. – Но будь я проклят, если знаю, как вы можете помешать этому. Кто первый пришел, тот первый и взял.

– Я была бы счастлива, если бы могла что-либо изменить, – горячо отозвалась мисс Гастелл. – Пусть бы они все замерзли в дороге! О, как бы я хотела, чтобы их задержало какое-нибудь ужасное происшествие, пока старожилы с Львиного озера не доберутся до ручья!

– Вы, видно, очень не любите нас? – рассмеялся Смок.

– Не в этом дело, – быстро ответила она. – Я знаю каждого из обитателей Львиного озера и могу сказать, что это настоящие мужчины. Они голодали в этом краю и титанически работали, чтобы сделать жизнь здесь мало-мальски сносной. Я пережила вместе с ними тяжелые дни на Коюкуке, когда была еще девочкой; пережила голодовку на Березовом ручье и на Сороковой Миле. Это настоящие герои, и они имеют право на награду, а между тем тысячи зеленых молокососов оказываются теперь на много миль впереди них. Ну, я умолкаю. Нужно беречь дыхание, потому что вы и ваша компания того и гляди обгоните отца и меня.

В течение часа Джой и Смок не обменялись ни единым словом. Девушка о чем-то вполголоса переговаривалась с отцом.

– Теперь я узнал их, – сказал Малыш Смоку. – Это старый Льюис Гастелл, молодчина хоть куда. А девушка, должно быть, его дочка. Он пришел сюда так давно, что никто и не помнит точно, когда это было, и привез с собой девочку, тогда еще совсем крошку. Они с Битлсом работали вместе и пустили первый маленький пароходишко по Коюкуку.

– Знаешь что, не стоит обгонять их, – сказал Смок, – мы и так впереди всех, а нас только четверо.

Малыш согласился, и они час быстро подвигались вперед в полном молчании. В семь часов северное сияние в последний раз прорезало темноту, и они увидели на западе широкий проход между покрытыми снегом горами.

– Бабий ручей! – воскликнула Джой.

– Ну и молодцы же мы, – ликовал Малыш. – По моему расчету, нам по крайней мере нужно было идти еще добрых полчаса. Здорово, видно, я растянул себе ноги.

Как раз в этом месте дорога из Дайи, заваленная нагромоздившимися друг на друга льдинами, круто сворачивала через Юкон к восточному берегу, и с хорошо укатанной главной тропы они перебрались через затор льдин на узкую, едва заметную тропинку, идущую вдоль западного берега.

Льюис Гастелл, указывавший путь, споткнулся в темноте о льдину и опустился на снег, ухватившись обеими руками за лодыжку. Он с трудом поднялся на ноги и попробовал двинуться дальше, но шаг его сильно замедлился, и он стал заметно прихрамывать. Через несколько минут он остановился.

– Все равно ничего не выйдет, – сказал он дочери. – Я растянул себе сухожилие. Иди вперед и займи участки для себя и для меня.

– Не можем ли мы чем-нибудь помочь вам? – спросил Смок.

Льюис Гастелл покачал головой.

– Ей все равно, сделать ли одну заявку или две. А я доползу до берега, разведу огонь и перевяжу лодыжку. Не беспокойтесь обо мне. Иди, Джой. Займи для нас участки повыше Пробного. Чем выше по реке, тем богаче россыпи.

– Вот вам немного березовой коры, – сказал Смок, разделив свой запас поровну. – Мы позаботимся о вашей дочери.

Льюис Гастелл рассмеялся хриплым смехом.

– Благодарю вас, – сказал он. – Но она и сама может позаботиться о себе. Идите за ней следом и не упускайте ее из виду.

– Вы ничего не будете иметь против, если я пойду вперед? – спросила она Смока. – Ведь я знаю эту местность лучше вас.

– Ведите, – галантно ответил Смок. – Хотя я совершенно согласен с вами, что нам, чечако, не следовало бы обгонять компанию с Львиного озера. Это просто возмутительно. Нельзя ли нам как-нибудь отделаться от этих доусоновских молодцов?

Она покачала головой.

– Не можем же мы скрыть свои следы, – сказала девушка, – а они обязательно пойдут за нами, как стадо баранов.

Пройдя с четверть мили, Джой вдруг круто повернула на запад, и Смок заметил, что они идут по девственному снегу. Однако ни он, ни Малыш не обратили внимания на то, что узкая тропинка, по которой они шли до сих пор, вела дальше к югу. Если бы они могли видеть, что делал в этот момент Льюис Гастелл, история Клондайка, пожалуй, была бы написана иначе: они увидели бы, как этот старожил, сразу перестав хромать, побежал следом за ними, точно гончая собака; увидели бы, как он принялся расширять и утаптывать тропинку, которую они проложили, свернув на запад, и наконец помчался дальше по прежней узкой тропинке, направлявшейся к югу. Но ничего этого они не видели, а потому продолжали спокойно идти следом за Джой. Тропинка к ручью была едва намечена, и путники то и дело теряли ее в темноте. После четверти часа блуждания по снегу Джой Гастелл выразила желание идти сзади и предоставила мужчинам прокладывать дорогу. Задержка передовых позволила всей остальной массе золотоискателей нагнать их, и когда часам к девяти рассвело, они увидели за собой, насколько хватал глаз, бесконечную вереницу людей. При этом зрелище темные глаза Джой засверкали.

– Сколько времени прошло с тех пор, как мы пробираемся к ручью? – спросила она.

– Не меньше двух часов, – ответил Смок.

– Да два часа назад, вот вам и все четыре, – рассмеялась она. – Мои друзья с Львиного озера спасены.

Смутное подозрение пронеслось в голове Смока. Он остановился и посмотрел ей прямо в лицо.

– Я не понимаю, – сказал он.

– Не понимаете? Ну, так я объясню вам. Это Норвежский ручей. Бабий ручей дальше, к югу.

Смок на минуту онемел.

– Вы сделали это нарочно? – спросил Малыш.

– Я сделала это, чтобы выручить старожилов.

Она рассмеялась. Мужчины поглядели друг на друга и подошли к девушке.

– Знаете, я с удовольствием перегнул бы вас, как ребенка, через колено да хорошенько нашлепал, – заявил Малыш, – если б здесь, в этом чертовом краю, не были так редки женщины!

– Значит, ваш отец не растянул себе сухожилия, а просто подождал, чтобы мы скрылись из виду, и двинулся дальше? – спросил Смок.

Она утвердительно кивнула.

– А вы сыграли роль приманки?

Она снова кивнула, и на этот раз смех Смока прозвучал вполне искренно и звонко. Это был неудержимый смех мужчины, откровенно признающего себя побежденным.

– Почему вы не сердитесь на меня? – жалобно спросила она. – Или… или… почему вы не побьете меня?

– Ну-с, надо, значит, поворачивать обратно, – сказал Малыш. – Этак того и гляди ноги отморозишь.

Смок покачал головой.

– Идти обратно – значит потерять четыре часа. Мы, должно быть, прошли восемь миль по этому ручью, а он сильно уклоняется к югу. Мы пойдем вдоль Норвежского ручья, затем переберемся через водораздел и выйдем на Бабий ручей где-нибудь повыше Пробного участка. – Он взглянул на Джой. – Не хотите ли пойти с нами? Я обещал вашему отцу присмотреть за вами.

– Я… – она колебалась, – я могу пойти с вами, если вы ничего не имеете против. – Она смотрела прямо в глаза Смоку, и на лице ее уже не было прежнего выражения вызова и насмешки. – Право, мистер Смок, я почти жалею о том, что сделала. Но нужно же было кому-нибудь выручить старожилов.

– Мне кажется, что золотоискательство – своего рода спорт.

– А мне кажется, что вы прекрасные спортсмены, – сказала она; затем прибавила с легким вздохом: – Как жаль, что вы не старожилы!

Два часа они пробирались вдоль замерзшего ложа Норвежского ручья, затем свернули в узкий извилистый его приток, сворачивавший к югу. В полдень они начали подниматься в гору, чтобы перебраться через водораздел. Позади себя они видели длинную темную линию золотоискателей, направлявшихся по их следам. Там и сям поднимались тонкие струйки дыма, указывавшие на то, что усталые путники делают привал.

Для них путь был особенно тяжел. Они то и дело проваливались по пояс в снег и очень часто останавливались, чтобы перевести дух. Малыш первый взмолился об отдыхе.

– Мы уже двенадцать часов в пути, Смок, – сказал он, – и я должен признаться, что здорово устал, да и ты тоже, я уверен. Но если мы с тобой еще и можем кое-как ползти дальше, то эта бедная девушка несомненно свалится с ног, если не подкрепится чем-нибудь. Давайте разложим здесь костер. Что вы на это скажете?

Они быстро, ловко и умело разбили лагерь, и Джой, следившая за ними недоверчивым взглядом, должна была признаться в душе, что старожилы не могли бы сделать этого лучше. Смок и Малыш натянули одеяла на сосновые ветви и соорудили шалаш, в котором можно было отдохнуть и приготовить еду. Однако сами они старались держаться подальше от огня, пока не растерли основательно свои щеки и носы. Смок плюнул в воздух, и тотчас же вслед за этим раздался отчетливый и звонкий стук упавшей льдинки.

– Должен признаться, – сказал Смок, покачав головой, – что никогда еще не видел такого мороза.

– Однажды зимой на Коюкуке мороз дошел до восьмидесяти шести градусов, – ответила Джой. – Теперь, должно быть, не меньше семидесяти или семидесяти пяти, и я чувствую, что отморозила себе щеки. Они горят, как в огне.

На крутом спуске горы совсем не было льда; поэтому они положили в таз для промывки золота немного твердого чистого кристаллического снега, напоминавшего сахар-рафинад, и растопили его на огне, раздобыв таким образом воду для кофе. Смок поджаривал грудинку и грел сухари у огня, Малыш подбрасывал в огонь ветки, а Джой расставляла приборы; из мешка появились две тарелки, две кружки, две ложки, жестянка, в которой были смешаны соль и перец, и жестянка с сахаром. Третьего прибора не было, и она села рядом со Смоком. Они ели из одной тарелки и пили из одной кружки.

Было почти два часа, когда они перевалили, наконец, через хребет и начали спускаться к Бабьему ручью. Еще раньше, зимой, какой-то охотник на лосей проложил тропу по узкому ущелью – отправляясь на охоту и возвращаясь обратно, он, по-видимому, всегда ступал по своим же следам. В результате под слоем выпавшего позднее снега образовалась линия неровных бугров. Всякий раз, как ноги их попадали между буграми, они проваливались в снег и нередко падали. К несчастью, охотник на лосей обладал, по-видимому, необыкновенно длинными ногами, и им было нелегко идти по его следам. Джой, которая горячо желала теперь помочь своим спутникам и боялась, что они нарочно замедляют ход, не желая слишком утомлять ее, пошла впереди. Быстрота и ловкость, с которой она ловила коварные следы охотника, вызвали неподдельный восторг Малыша.

– Посмотри-ка на нее! – воскликнул он. – Ну и молодчина! Уж она наверное ела медвежатину. Посмотри, как скользят ее мокасины. Это тебе не высокие каблуки. Ноги ей хорошо служат. Вот настоящая жена для охотника на медведей.

Она обернулась и посмотрела на него с улыбкой, которая предназначалась отчасти и для Смока: улыбка была простая, товарищеская, но Смок ясно почувствовал, что в ней было и много женского.

Дойдя до Бабьего ручья, они оглянулись и увидели длинную прерывистую линию золотоискателей, которые с трудом спускались по склону. Джой Гастелл и ее спутники спустились к ложу ручья, промерзшего до самого дна. Ручей – двадцати-тридцати футов ширины – тянулся между илистыми наносными берегами от шести до восьми футов вышины. Ничья нога не ступала еще по девственному снегу, который покрывал его лед, и они сообразили, что вышли немного выше Пробного участка и заявок, занятых старожилами с Львиного озера.

– Берегитесь родников, – предостерегающе крикнула Джой, когда Смок повел их вниз по ручью. – При семидесятиградусном морозе вы останетесь без ног, если провалитесь в один из них.

Такие родники часто встречаются в клондайкских реках и никогда не замерзают. Вода стекает с берегов и скопляется небольшими лужицами, которые защищаются от холода замерзшей поверхностью ручья и выпавшим снегом. Вот почему человек, ступающий по сухому снегу, может легко продавить кору льда в полдюйма толщины и провалиться по колено в воду. Если в течение пяти минут он не стащит промокшие мокасины, то останется без ног.

Было три часа пополудни, но долгие серые полярные сумерки уже начали окутывать землю. Путники искали глазами на берегах дерева с отметкой, которая указала бы им, где сделана последняя заявка. Джой, искавшая ее с особенным волнением, первая заметила зарубку. Она бросилась вперед и крикнула Смоку:

– Кто-то уже был здесь. Поглядите на снег! Посмотрите на зарубку! Вот она! Вот на этой сосне!

И в этот момент она по пояс провалилась в снег.

– Вот я и попалась! – жалобно произнесла она. Затем воскликнула: – Не подходите ко мне, я сама выберусь.

Шаг за шагом, то и дело проваливаясь через тонкий лед, скрытый под сухим снегом, она прокладывала себе путь к твердой почве. Смок не стал ждать. Он бросился к берегу, где лежали сухие ветви и сучья, вынесенные на берег во время весенних разливов. Это был готовый костер, который только ждал спички. К тому времени, как Джой добралась до него, первые языки пламени уже поднимались в воздух.

– Садитесь, – приказал Смок.

Она послушно опустилась на снег. Он сбросил со спины свой мешок и разостлал под ее ногами одеяло.

Сверху раздавались голоса искателей, следовавших за ними.

– Пусть Малыш сделает заявку, – торопила Джой.

– Иди, Малыш, – сказал Смок, принимаясь за ее мокасины, уже покрывшиеся льдом. – Отмерь тысячу футов и поставь в центре два заявочных столба. Угловые мы поставим позже.

Смок разрезал ножом шнурки и кожу мокасинов. Они успели так сильно промерзнуть, что визжали и скрипели под ножом. Сивашские носки и толстые шерстяные чулки превратились в ледяную кору. Казалось, будто ступни и икры девушки вложены в железный футляр.

– Ну, как ноги? – спросил он, продолжая работать.

– Совсем онемели. Я не чувствую пальцев и не могу шевельнуть ими. Но все сойдет прекрасно. Огонь великолепный. Смотрите, как бы вы еще не отморозили себе руки. Судя по вашим движениям, мне кажется, что они уже онемели.

Он натянул рукавицы и в течение нескольких минут с ожесточением хлопал себя по бедрам. Почувствовав, что кровообращение восстановилось, он снова снял рукавицы и принялся резать, рвать и пилить промерзшую обувь. Наконец показалась белая кожа одной ноги, затем другой, и обе они были выставлены теперь на семидесятиградусный мороз.

Затем Смок принялся растирать ей ноги снегом с таким неистовым усердием, что Джой скоро зашевелила пальцами и радостно пожаловалась на боль.

Он дотащил ее до огня и положил ее ноги на одеяла, как можно ближе к спасительному теплу.

– Теперь вам придется самой заняться ими на минутку, – сказал он.

Она сняла рукавицы и начала растирать ноги, следя за тем, чтобы огонь лишь постепенно согревал ее замерзшее тело. Тем временем Смок занялся собственными руками; снег уже не таял на них, и его светлые кристаллы рассыпались по коже, точно песок. Очень медленно восстанавливалось в замерзшем теле кровообращение. Согрев, наконец, руки, Смок поправил огонь, снял легкую котомку со спины Джой и достал оттуда запасную обувь.

Малыш вернулся по ложу ручья и поднялся к ним по крутому берегу.

– Будьте спокойны, я отмерил полных тысячу футов, – заявил он. – Номер двадцать седьмой и двадцать восьмой. Хотя, нужно вам сказать, не успел я еще забить верхний столбик двадцать седьмого номера, как столкнулся с первым молодцом из тех, что шли сзади. Он заявил мне, что он не даст мне занять двадцать восьмой номер. Тогда я сказал ему…

– Ну, ну, – воскликнула Джой. – Что же вы ему сказали?

– Я так прямо и заявил ему, что если он не уберется сейчас же на все пятьсот футов, то я превращу его обмороженный нос в сливочное мороженое и шоколадные эклеры. Он предпочел уйти, и я поставил заявочные столбы на двух полных, честно отмеренных участках вдоль ручья, по пятьсот футов каждый. Он занял следующий участок, и я полагаю, что теперь эта компания уже разделала Бабий ручей до устья и даже тот берег. Но наше дело верное. Сейчас слишком темно, а завтра утром мы сможем поставить угловые столбы.

III

Проснувшись, они убедились, что за ночь сильно потеплело. Малыш и Смок, еще не вылезая из-под своего общего одеяла, определили температуру в двадцать градусов ниже нуля. Мороз сдал. На их одеялах лежал слой снежных кристаллов в шесть дюймов толщины.

– С добрым утром! Как ваша нога? – спросил Смок, глядя через остатки костра на Джой Гастелл, которая, сидя в своем спальном мешке, стряхивала с себя снег.

Малыш развел костер и принес лед с ручья, а Смок принялся готовить завтрак. Когда они покончили с едой, взошло солнце.

– Пойди-ка поставь угловые столбы, Смок, – сказал Малыш. – В том месте, где я нарубил льда, есть песок, и я хочу растопить в нашем тазу воды и промыть, на счастье, немного песку.

Смок отправился, захватив топор, чтобы вырубить колышки. Начав с нижнего (по течению) центрального столба на участке «номер двадцать семь», он направился под прямым углом по узкой долине к краю участка. Он проделывал все это методически, почти машинально: мысли его были полны воспоминаний об истекшей ночи, ему почему-то казалось, что он приобрел власть над нежными линиями и твердыми мускулами этих ножек, которые он растирал снегом, и эта власть как будто распространялась и на всю женщину. Чувство обладания наполняло его каким-то неясным сладостным ощущением. Ему казалось, что теперь остается только подойти к Джой Гастелл, взять ее за руку и сказать: «Идем!»

И вдруг он наткнулся на нечто, заставившее его забыть о власти над белыми ножками. Он не поставил углового столба у края долины. Он даже не дошел до ее края, ибо наткнулся на другой ручей. Смок приметил сломанную иву и большую, бросающуюся в глаза одинокую сосну. Затем снова вернулся к ручью, где стояли центральные заявочные столбы. Он пошел берегом ручья, изогнутого в виде лошадиной подковы, и убедился в том, что тут не два ручья, а один. Затем он дважды пробрался по снегу от одного края долины до другого, в первый раз начав от нижнего столба «номера двадцать седьмого», а во второй раз от верхнего столба «номера двадцать восьмого», и убедился окончательно, что *верхний столб последнего участка находится ниже нижнего столба первого*. В сумеречной полутьме Малыш занял оба участка на излучине ручья в виде подковы, врезывающейся глубоко в долину.

Смок уныло побрел обратно к маленькой стоянке. Малыш, кончивший промывку песка, встретил его восторженными восклицаниями.

– Вот оно! – крикнул он, протягивая товарищу таз. – Вот, посмотри. Золото, чистое золото. Здесь двести долларов, ни на цент меньше. Оно так и валяется на самой поверхности. Я видел кое-что на своем веку, но никогда в жизни не встречал еще такого богатства.

Смок бросил равнодушный взгляд на золото, налил себе чашку кофе и присел у огня. Джой почувствовала что-то недоброе и посмотрела на него нетерпеливым, беспокойным взглядом. А Малыш почувствовал себя оскорбленным равнодушием товарища.

– Что это ты как будто не радуешься? – спросил он. – Ведь это настоящее счастье. Может быть, ты так богат, что плюешь на двести долларов?

Прежде чем ответить, Смок отхлебнул кофе.

– Скажи мне, Малыш, чем наши участки похожи на Панамский канал?

– Это еще что за новость?

– Видишь ли, восточный вход в Панамский канал находится западнее его западного входа. Вот и все.

– Валяй дальше, – сказал Малыш. – Я еще не раскусил, в чем дело.

– Короче говоря, Малыш, ты занял наши два участка на большой луке, напоминающей лошадиную подкову.

Малыш опустил таз на снег и вскочил на ноги.

– Дальше, дальше, – повторил он.

– Верхний столб двадцать восьмого на десять футов ниже нижнего столба двадцать седьмого.

– Ты хочешь сказать, что у нас ничего нет, Смок?

– Хуже того. У нас на десять футов меньше, чем ничего.

Малыш бегом пустился к берегу. Через пять минут он вернулся. В ответ на вопросительный взгляд Джой маленький человечек печально кивнул. Не говоря ни слова, он подошел к поваленному дереву и, опустившись на него, стал пристально разглядывать снег, покрывавший его мокасины.

– Ну, что ж, снимемся с лагеря и марш обратно в Доусон, – сказал Смок, начиная складывать одеяла.

– Мне очень жаль, Смок, – прошептала Джой, – все это моя вина.

– Пустяки, – ответил он, – все придет в свое время.

– Но это моя вина, только моя, – настаивала она. – Отец сделает для меня заявку там, около Пробного участка, и я отдам ее вам.

Смок отрицательно покачал головой.

– Малыш! – взмолилась девушка.

Малыш в свою очередь покачал головой и вдруг разразился неистовым смехом. Это был неудержимый, гомерический хохот. Маленький человечек то задыхался, то грохотал.

– Это не истерика, – объяснил он. – У меня бывают иногда такие припадки веселости.

Взгляд его упал случайно на таз с золотом. Он подошел к нему и величественным движением отшвырнул ногой, рассыпав вокруг намытое золото.

– Это не наше, – сказал он. – Оно принадлежит тому малому, которого я прогнал давеча на пятьсот футов. И меня больше всего злит то, что четыреста девяносто из них – форменное богатство… его богатство. Ну, идем, Смок, вернемся в Доусон. Впрочем, если у тебя есть желание убить меня, я и пальцем не пошевельну, чтобы защищаться.

Малыш видит сны

I

– Странно, однако, что ты никогда не играешь, – сказал Малыш однажды ночью Смоку в «Элькгорне». – В крови этого у тебя нет, что ли?

– Как же, есть, – отвечал Смок. – Но в голове у меня статистика. Я предпочитаю равные шансы во время игры.

Вокруг них в огромном помещении бара слышалась трескотня, стук, звон: это за двенадцатью игорными столами пробовали свое счастье люди в мехах и мокасинах. Смок широким жестом как бы охватил всех их.

– Взгляни на них, – сказал он, – ясно, как дважды два четыре, что проигрыш за сегодняшнюю ночь будет больше, чем выигрыш. Большинство из них сейчас уже проиграли.

– Ты, конечно, здорово силен в цифрах, – с восхищением пробормотал Малыш, – и в общем ты прав. Но только факты остаются фактами. И один из таких фактов – это полоса счастья. Выпадает полоса, когда всякий дурак выигрывает, это мне хорошо известно; я принимал участие в такой игре, и на моих глазах срывали банк. Чтобы выиграть в азартной игре, надо выждать, пока на тебя накатит такая полоса счастья, и потом уже играть вовсю.

– Как просто, – скептически заметил Смок. – Так просто, что прямо кажется непонятным, каким образом люди могут проигрывать.

– Вся беда в том, – возразил Малыш, – что большинство людей ошибаются, думая, что им начинает везти. И я тоже давал маху на своем веку. Надо пробовать, нащупывать.

Смок покачал головой.

– И это тоже ясно, как дважды два четыре, Малыш. Большинство игроков ошибаются в своих предчувствиях.

– Неужели у тебя никогда не бывало такого чувства, что ты должен поставить деньги и обязательно выиграть? И больше от тебя ничего не требуется.

Смок засмеялся.

– Я слишком боюсь, что статистика будет против меня. Но вот что я хочу сказать тебе, Малыш. Кину-ка я сейчас один доллар на высшую карту, и посмотрим – заработаем ли мы с тобой хоть на стаканчик.

Смок направился было к столу, за которым играли в «фаро», как вдруг Малыш схватил его за руку.

– Постой! На меня как раз накатило предчувствие. Ставь этот доллар на рулетку!

Они подошли к столу с рулеткой, стоявшему у самого бара.

– Подожди ставить, пока я не скажу тебе, – проговорил Малыш.

– Какой номер? – спросил Смок.

– Выбирай сам. Но только погоди, пока я не скажу тебе, что пора начинать.

– Уж не считаешь ли ты, что у меня за этим столом шансов больше? – заметил Смок.

– Столько же, сколько у каждого игрока.

– Но все-таки не столько, как у крупье?

– Подожди, увидишь, – стоял на своем Малыш. – Ну! Теперь начинай!

Крупье как раз в эту минуту бросил шарик из слоновой кости; шарик, кружась, покатился по гладкому борту вращающегося колеса. Смок на нижнем конце стола потянулся через какого-то игрока и, не глядя, бросил доллар. Он покатился по гладкому зеленому сукну и остановился на номере «34».

Шарик остановился, и крупье объявил:

– Тридцать четвертый выиграл!

Крупье сгреб со стола деньги и к доллару Смока придвинул тридцать четыре доллара. Смок забрал деньги, и Малыш хлопнул его по плечу.

– Вот это и есть то самое, что называется счастьем, Смок. Откуда я это узнал? Да я и сам не знаю. Я просто почувствовал, что ты должен выиграть. И если бы твой доллар упал на какой-нибудь другой номер, ты все равно выиграл бы. Раз предчувствие у тебя верное, ты должен выиграть во что бы то ни стало.

– Ну, а предположи, что вышло бы двойное зеро? – сказал Смок, когда они направлялись в бар.

– Тогда твой доллар остановился бы на двойном зеро, – отвечал Малыш. – Тут уж ничего не поделаешь. Повезет – так повезет. Вот оно как. Пойдем-ка назад к столу. После того как я дал тебе возможность выиграть, мне кажется, что и я сорву несколько номеров.

– Ты играешь по системе? – спросил Смок через десять минут, после того как его компаньон проиграл сто долларов.

Малыш с негодованием покачал головой; он расставил свои марки на «3», «11», «17» и бросил одну марку на «зеленое».

– Ад и так набит дураками, играющими по системе, – объявил он.

Занятый наблюдениями, Смок стоял точно загипнотизированный и внимательно следил за подробностями игры, начиная с того момента, когда бросали шарик, и кончая ставками и уплатой выигрышей. Он не играл и довольствовался только наблюдением. И он так увлекся, что Малышу, закончившему игру, с трудом удалось оторвать Смока от стола.

Крупье вернул Малышу его мешок с золотым песком, который находился у крупье в виде залога, и выдал Малышу вместе с мешком клочок бумажки, где было нацарапано: «Взять триста пятьдесят долларов». Малыш направился через всю комнату к весовщику, сидевшему за большими весами для взвешивания золота. Весовщик отсыпал из мешка Малыша на триста пятьдесят долларов песку и всыпал его в свой ящик.

– Твое счастье также можно отнести под ту же рубрику статистики, – подтрунил над Малышом Смок.

– Мне надо было сыграть, чтобы убедиться в этом, не так ли? – отрапортовал Малыш. – И я пострадал только из-за желания доказать тебе, что полоса счастья существует.

– Ничего, Малыш, – засмеялся Смок. – А вот на меня сейчас нашло наитие…

Глаза у Малыша засверкали, и он крикнул:

– Ну так в чем же дело? Валяй! Ставь!

– Нет, Малыш, это не то. Мое наитие говорит мне, что я в один прекрасный день выработаю систему, которая в пух и прах разобьет этот стол.

– Система! – завопил Малыш, с сожалением глядя на своего товарища. – Смок, послушайся доброго совета и брось ты систему. Система – это верный проигрыш. При системе не бывает наития.

– Вот за это самое я и люблю систему, – отвечал Смок. – В системе есть расчет. Если ты нападешь на верную систему, ты не можешь проиграть. В этом-то и заключается разница между системой и счастьем. Ты не знаешь, когда твое предчувствие обманет тебя.

– Но зато я знаю целый ряд систем, которые обманывали, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь выигрывал по системе. – Малыш помолчал и со вздохом добавил: – Знаешь, что я тебе скажу, Смок? Если ты собираешься ломать себе голову над системами, то тебе здесь не место и нам лучше отправиться в путь-дорогу.

II

В течение нескольких ближайших недель во взглядах и намерениях двух товарищей отмечалось некоторое расхождение. Смок был расположен проводить все время в наблюдениях за игрой в рулетку в «Элькгорне», а Малыш настаивал на том, чтобы двинуться в путь. Когда же началось движение золотоискателей на Юкон, – пронесся слух, что в двухстах милях вниз по реке открылось золото, – Смок решительно отказался принять участие в этом предприятии.

– Вот что, Малыш, – сказал он, – я не пойду. Эта история займет десять дней, а к тому времени я надеюсь окончательно выработать свою систему. Я и сейчас мог бы уже выигрывать, играя по ней. С какой стати ты будешь зря таскать меня повсюду?

– Смок, я должен заботиться о твоем благе, – отвечал Малыш. – Ты свихнешься. Я готов тащить тебя к черту на рога или на Северный полюс, лишь бы мне оторвать тебя от игорного стола.

– Все это прекрасно, Малыш. Но не забывай, что я взрослый и вполне зрелый мужчина, и опять же не забудь про медвежатину. Если тебе придется что-нибудь тащить, так это только золотой песок, который я буду выигрывать при помощи моей системы, и на это тебе понадобится целая собачья упряжка.

В ответ на это Малыш только вздохнул.

– И я не хочу, чтобы ты играл за свой счет, – продолжал Смок. – Мы будем делить выигрыш пополам, и мне для начала понадобятся все наши деньги. Система эта еще молода, и очень может быть, что я вначале допущу несколько промахов.

III

В конце концов, после долгих часов и дней, проведенных в наблюдениях за игорным столом, настал вечер, когда Смок объявил, что он готов. Малыш, мрачный и печальный, с видом человека, присутствующего на похоронах, отправился вместе со своим товарищем в «Элькгорн». Смок купил стопочку марок и занял место в конце стола, возле крупье. Десятки раз вертелся шарик; другие игроки выигрывали и проигрывали, а Смок все не решался поставить хотя бы одну марку. Малыш начал уже терять терпение.

– Да ставь же, ставь! – торопил он его. – Кончай скорей эту погребальную церемонию. В чем дело? Или ты струсил?

Смок покачал головой. Он выжидал. Двенадцать раз уже крупье пускал рулетку, когда Смок вдруг поставил десять однодолларовых фишек на номер «26». Номер выиграл, и Смоку было выплачено триста пятьдесят долларов. Затем прошло еще двенадцать, двадцать, тридцать туров, прежде чем Смок снова поставил десять долларов на «32». И опять он выиграл триста пятьдесят долларов.

– Вот это называется везет! – громким шепотом сказал ему на ухо Малыш. – Ставь дальше!

Прошло полчаса, в продолжение которых Смок воздерживался от игры, после чего он поставил десять долларов на номер «34» и выиграл.

– Ну и везет! – прошептал Малыш. – Вот так полоса!

– Совсем не то, – шепотом же отвечал ему Смок. – Это моя система. Что, хороша, не правда ли?

– Ладно, рассказывай, – возразил Малыш. – Просто полоса такая, а ты воображаешь, что это система! А она тут ни при чем. Систем вообще нет и не может быть.

Смок переменил игру. Он ставил теперь чаще, одиночными марками, и чаще проигрывал, чем выигрывал.

– Кончай, – посоветовал ему Малыш. – Забирай деньги. Ты три раза поймал номер, и у тебя уже около тысячи. Полоса твоя кончилась.

В эту минуту шарик завертелся, и Смок поставил десять марок на номер «26». Шарик остановился на «26», и крупье выплатил ему триста пятьдесят долларов.

– Раз уж тебе так чертовски везет, ставь высшую ставку, – сказал Малыш. – Поставь следующий раз двадцать пять!

Прошло четверть часа, в течение которых Смок выигрывал и проигрывал мелкие ставки. Потом решительным жестом он поставил двадцать пять долларов на «двойное зеро», и крупье заплатил ему восемьсот семьдесят пять долларов.

– Разбуди меня, Смок, я вижу сон! – взмолился Малыш.

Смок улыбнулся, заглянул в свою записную книжку и углубился в какие-то вычисления. Он то и дело вынимал из кармана записную книжку и записывал в нее разные цифры.

Около стола собралась большая толпа, и игроки старались ставить на те же номера, что и Смок. И вот тут-то в его игре произошел перелом. Десять раз подряд он ставил по десять долларов на «18» и проигрывал. Тут уже и самые отважные его последователи отступились от него. Он переменил номер и выиграл еще триста пятьдесят долларов. Сейчас же игроки вернулись к нему, и им пришлось снова бросить его после целого ряда проигрышей.

– Кончай, Смок, кончай! – просил его Малыш. – И самая длинная полоса счастья не бесконечна. А твоя уже кончилась. Крупных выигрышей больше не жди.

– А я собираюсь взять еще один, – отвечал Смок.

Некоторое время он делал с переменным счастьем мелкие ставки на разные номера, потом бросил двадцать пять долларов на «двойное зеро».

– А теперь рассчитаемся, – сказал он крупье, выиграв и на этот раз.

– Незачем показывать мне счет, – сказал Малыш, когда они направлялись к весовщику. – Я все время следил. Тебе причитается что-то около трех тысяч шестисот. Верно?

– Три тысячи шестьсот тридцать, – отвечал Смок. – А теперь тебе придется тащить домой песок. Ведь мы так условились!

IV

– Не испытывай своего счастья, – сказал Малыш на следующий день вечером, когда Смок собрался идти в «Элькгорн». – Твоя полоса была очень длинной, но ты доиграл ее до конца. Если ты опять начнешь играть, ты наверняка спустишь все.

– Но я же сказал тебе, Малыш, что тут нет никакой полосы счастья. Это статистика. Система! Я и при желании не могу проиграть.

– Провались она к черту, эта система! Нет никаких систем. Раз как-то я выиграл в железку семнадцать раз подряд. Что же это было, по-твоему, система? Просто бешеное счастье. Но только я струсил тогда. Если бы я не снялся после семнадцатой карты, я выиграл бы больше тридцати тысяч на два доллара!

– Что бы там ни было, Малыш, а у меня настоящая система.

– Гм! Так покажи мне ее!

– Я уже показывал тебе. Пойдем со мной, и я покажу еще раз.

Когда они пришли в «Элькгорн», все взоры обратились на Смока. Стоявшие возле стола игроки расступились, когда он направился на свое прежнее место возле крупье. На этот раз игра его совершенно не походила на игру, которую он вел в прошлый раз. В течение полутора часов он поставил только четыре ставки, но каждая была по двадцать пять долларов и каждая выиграла. Он забрал три тысячи пятьсот долларов, и Малыш доставил золото в хижину.

– Теперь самая пора бросить игру, – советовал Малыш, сидя на краю своей койки и снимая мокасины. – Ты забрал семь тысяч. Надо быть дураком, чтобы еще дольше испытывать свое счастье!

– Малыш, только сумасшедший бросит на середине такую систему, как у меня.

– Смок, ты парень хоть куда. Ты обучался в колледже. Ты в одну минуту можешь узнать больше, чем я в сорок тысяч лет. И все-таки ты ошибаешься, здорово ошибаешься, называя свою полосу счастья системой. Я помотался по свету и видел всякие виды – и должен сказать прямо, начистоту, что нет такой системы, которая могла бы победить в азартной игре.

– Однако я показал тебе именно такую систему.

– Нет, Смок, ты ошибаешься. Это сон. Я сплю. Сейчас я проснусь, разведу костер и стану готовить завтрак.

– В таком случае, мой недоверчивый друг, вот тебе песок. Пощупай его.

С этими словами Смок бросил на колени товарищу увесистый мешок с золотом. Он весил тридцать пять фунтов, и Малыш почувствовал значительную тяжесть.

– Самый что ни на есть реальный, – сказал Смок.

– Гм! В свое время я видывал самые разные сны. Во сне все возможно. А в жизни система невозможна. Конечно, я не был в колледже, но только я прав, считая всю эту нашу азартную оргию сном.

– «Закон бережливости» Гамильтона? – засмеялся Смок.

– Я что-то ничего не слыхал об этом старикашке, но он, должно быть, прав. Я вижу сон, Смок, и в этом сне ты все время преследуешь и мучишь меня своей системой. Если ты меня любишь, если ты действительно меня любишь, то ты сейчас крикнешь: «Малыш! Проснись!» И я проснусь и начну готовить завтрак.

V

На третий вечер, когда Смок поставил первую ставку, крупье вернул ему пятнадцать долларов.

– Вы можете ставить только десять, – сказал он. – Ставка понижена.

– Обеднели? – проговорил с насмешкой Малыш.

– Кто не хочет, пусть не играет, – ответил крупье. – Я прямо скажу при всем честном народе, что нам было бы приятнее, если бы ваш товарищ вовсе не играл за нашим столом.

– Испугались его системы, а? – вызывающе спросил Малыш, когда крупье выплачивал Смоку триста пятьдесят долларов.

– Я не говорю, что верю в его систему; я не верю ни в какие системы. Не было еще такой системы на свете, которая могла бы побить рулетку или другую какую-нибудь азартную игру. Но все-таки мне приходится наблюдать непонятную полосу счастья, и я не могу допустить, чтобы банк потерпел крах; я должен предупредить это.

– Струсили?

– Азартная игра – такое же дело, как и всякое другое, мой друг. Мы не филантропы.

Вечер за вечером Смок продолжал выигрывать. Он разнообразил свои методы игры. Среди толпы, осаждавшей стол, знатоки рулетки записывали его ставки и номера, тщетно пытаясь разгадать его систему. Они приходили в отчаяние оттого, что не могли уловить нити, и клялись, что это просто полоса счастья, – правда, счастья необыкновенного, такого, какого им до сих пор никогда не приходилось видеть.

Их сбивало с толку разнообразие его игры. По временам он изучал свою записную книжку, иногда углублялся в длинные вычисления, и проходил целый час, в течение которого он не делал ни одной ставки. А иногда он ставил три максимальных ставки и выигрывал по тысяче долларов в пять или десять минут. Или же его тактика сводилась к тому, что он, ко

всеобщему удивлению, разбрасывал по всему столу щедрой рукой отдельные фишки. Это продолжалось от десяти до тридцати минут, потом вдруг, неожиданно, когда шарик, вертясь, делал свой последний круг, он ставил высшую ставку на колонну, цвет и номер и брал все три выигрыша. Однажды, чтобы сбить с толку тех, кто пытался разгадать его тайну, он проиграл подряд сорок высших ставок на номера; но каждый вечер, как бы Смок ни разнообразил свою игру, Малыш приносил домой три тысячи пятьсот долларов.

– Это вовсе не система, – разглагольствовал Малыш во время одной из бесед перед сном. – Я все время слежу за тобой и никак не могу разобраться во всем этом. Ты никогда не играешь два раза подряд одинаково. И вся твоя игра заключается в том, что ты выигрываешь, когда хочешь; а когда не хочешь, то не выигрываешь.

– Может быть, ты ближе к истине, чем думаешь, Малыш. Иногда мне нужно проигрывать. Это входит в мою систему.

– Система, черт бы ее побрал! Я говорил со всеми игроками в городе, и все до последнего согласны с тем, что систем не существует.

– И несмотря на это, я им все время демонстрирую систему.

– Послушай, Смок, – Малыш замер над свечкой, собираясь погасить ее. – Меня это страшно волнует. Может быть, ты думаешь, что это свечка? Нет, это не свечка! И я – не я. Я нахожусь где-то в пути, лежу на спине, с открытым ртом, завернувшись в одеяла, и вижу все это во сне. И со мной разговариваешь не ты, точно так же, как эта свечка – не свечка.

– Странно, каким же образом и я вижу те же сны? – настаивал Смок.

– Нет, это не ты. Ты часть моего сна – вот и все. В моих снах разговаривает много народу, и я их слышу. Вот что я хочу сказать тебе, Смок. Я скоро свихнусь окончательно, я сойду с ума. Если этот сон будет еще продолжаться, то я перекушу себе жилы и завою не своим голосом.

VI

На шестую ночь игры в «Элькгорне» ставку понизили до пяти долларов.

– Прекрасно, – сказал Смок крупье. – Мне, как всегда, требуется сегодня три тысячи пятьсот, и вы только заставите меня дольше играть. Мне придется угадать вдвое больше номеров, вот и все.

– Почему вы не хотите перейти к какому-нибудь другому столу? – злобно спросил крупье.

– Потому что мне нравится именно этот. – Смок покосился на гудевшую печку в нескольких футах от него. – Потому что здесь нет сквозняков, здесь тепло и уютно.

На девятую ночь, когда Малыш принес домой песок, он едва не сошел с ума.

– Больше я не могу, Смок! Больше не могу! – начал он. – Я дошел до точки. Это не сон. Я не сплю. Системы не существует, но в то же время у тебя система! Тройного правила нет. Календаря не существует. Все перевернулось вверх дном. Законов природы не осталось больше и в помине. Таблица умножения полетела к черту. Два – это восемь, девять, одиннадцать, а дважды два это будет восемьсот сорок шесть с половиной. Кое-что – это все, ничего – это все; а дважды все – чепуха на молоке и коленкоровые лошади. Ты придумал систему. Цифры побивают цифры. То, чего нет, есть; чего не может быть – будет. Солнце встает на западе; луна – золотой блин; звезды – банки из-под консервов; цинга – благословение Божие, и тот, кто умирает, снова воскресает. Скалы плавают, вода – это газ, я – не я, ты – кто-то другой, и может быть – мы близнецы, если мы вообще не картофель, жаренный в свинцовых белилах. Разбуди меня! Разбудите меня кто-нибудь! О! Разбудите же меня!

VII

На следующее утро в хижину к ним явился посетитель. Смок знал его. Это был Гарвей Моран из «Тиволи», где ему принадлежали все игорные столы. В его низком грубом голосе звучали умоляющие нотки, когда он начал излагать свою просьбу.

– Дело вот в чем, Смок, – начал он. – Вы всем нам задали задачу. Я пришел от имени девяти владельцев салунов в нашем городе. Мы решительно ничего не понимаем. Мы знаем, что в рулетке не существует системы. И все математические головы в колледжах говорили нам то же самое. Они говорили, что рулетка сама по себе уже является системой, единственной системой, и что поэтому никакая другая система не может победить ее. Иначе вся арифметика полетела бы к черту.

Малыш энергично закивал головой.

– Если система может победить систему, то в таком случае системы нет, – продолжал гость. – И тогда все возможно: одна и та же вещь может быть в двух местах одновременно, или две вещи – в одном и том же месте, где может поместиться только одна.

– Что же, вы видели мою игру, – вызывающе сказал Смок. – Если вы считаете, что это только счастье, то из-за чего же вам беспокоиться?

– В том-то и беда, что мы не можем не беспокоиться. У вас система, и вместе с тем мы знаем, что ее быть не может. Я следил за вами пять вечеров подряд, и все, что я мог уловить, это то, что вы отдаете предпочтение нескольким номерам, и на них вы и выигрываете. И вот мы, десять владельцев салунов, сговорились и хотим сделать вам одно предложение. Мы хотим устроить рулетку в задней комнате «Элькгорна», заложить банк и предложить вам играть против нас. Все это будет сделано негласно. Только Малыш, вы да мы. Что вы на это скажете?

– А я скажу вот что, – отвечал Смок. – Приходите вы ко мне. Я буду играть сегодня в «Элькгорне», в помещении бара. Если желаете, можете прийти туда смотреть мою игру.

VIII

В этот вечер, когда Смок занял свое обычное место за столом, крупье прекратил игру.

– Игра прекращается, – сказал он. – Так приказал хозяин.

Но не так-то легко было запугать собравшихся в баре других владельцев салунов. Через несколько минут они открыли игру, вложив каждый по тысяче, и заняли стол.

– Ну, пожалуйте! – предложил Смоку Гарвей Моран, когда крупье пустил шарик по кругу.

– Дайте мне предельную ставку двадцать пять, – попросил Смок.

– Отлично, идет.

Смок сейчас же поставил двадцать пять фишек на «двойное зеро» и выиграл.

Моран вытер пот со лба.

– Продолжайте, – сказал он, – в банке у нас десять тысяч.

Через полтора часа десять тысяч перешли к Смоку.

– Банк сорван! – объявил крупье.

– Довольно с вас? – спросил Смок.

Владельцы игорных столов переглянулись. Они были преисполнены благоговейного ужаса. Они, эти разжиревшие любимцы закона, управляющего слепым счастьем, были побиты. Перед ними стоял человек, который был ближе к этим силам, либо которому удалось вызвать какие-то еще более могучие, неведомые силы.

– Мы закончили, – заявил Моран. – Не так ли, Бэрк?

Большой Бэрк, которому принадлежала рулетка, в салунах М и Г, кивнул в знак согласия.

– Невозможное случилось, – сказал он. – Этот самый Смок, которого вы видите перед собой, придумал систему. Если мы позволим ему продолжать, то мы все обанкротимся. На мой взгляд, единственное, что нам остается, чтобы сохранить наше дело, это понизить ставку до одного доллара или до десяти центов, а то и до одного цента. С такими ставками он не очень-то много выиграет за ночь.

Все посмотрели на Смока. Он пожал плечами.

– В таком случае, господа, мне придется нанять целую артель людей, которые будут играть за всеми вашими столами. Я буду платить им по десять долларов за четырехчасовую смену и заработаю свой выигрыш.

– Тогда нам придется прикрыть свое дело, – проговорил Большой Бэрк, – если только… – Он в нерешительности замолчал и окинул взглядом своих товарищей, как бы желая убедиться в том, что они согласны с ним. – …если только вы не согласитесь на одну комбинацию. За сколько вы согласны были бы продать вашу систему?

– За тридцать тысяч долларов, – отвечал Смок. – Это выйдет по три тысячи на человека.

Они посовещались и согласились.

– И вы откроете нам вашу систему?

– Да, конечно.

– И вы обещаете никогда больше не играть в рулетку в Доусоне?

– Нет, этого я не обещаю, – решительно отвечал Смок, – я обещаю только не играть больше по этой системе.

– Боже мой! – воскликнул Моран. – Надеюсь, у вас нет в запасе еще и другой системы?

– Стойте! – крикнул Малыш. – Мне надо поговорить с моим товарищем. Отойдем в сторонку, Смок.

Смок последовал за ним в отдаленный угол комнаты, между тем как сотни глаз с любопытством устремились на него и на Малыша.

– Послушай-ка, Смок, – хриплым голосом зашептал Малыш, – может быть, это и не сон, и в таком случае ты очень продешевил. Ведь это дело миллионами пахнет. Поприжми-ка их хорошенько.

– Ну, а если это сон? – тихо спросил Смок.

– Тогда во имя этого самого сна и нагрей их, голубчиков, как следует! Какая же радость от сна, если он не приводит тебя к верному и приятному концу?

– К счастью, это не сон, Малыш.

– В таком случае я тебе никогда не прощу, если ты продашь свой секрет за тридцать тысяч.

– Если я продам его за тридцать тысяч, ты бросишься мне на шею, проснешься и убедишься в том, что ты вовсе не спал. Это не сон, Малыш. Через две минуты ты увидишь, что ты все время бодрствовал. Имей в виду, что если я продаю, то, значит, необходимо продать.

Вернувшись к столу, Смок объявил, что его предложение остается в силе. Хозяева салунов протянули ему расписки, каждый на три тысячи.

– Требуй лучше песок, – предупредил его Малыш.

– Должен сказать вам, что мне хотелось бы иметь эти деньги в песке, – сказал Смок.

Владелец «Элькгорна» взял расписки и отсыпал Малышу на тридцать тысяч долларов золотого песку.

– Ну, вот, теперь мне и просыпаться не надо! – воскликнул он, взвешивая на руке драгоценные мешки. – Если подсчитать, то в общем сон этот принес нам семьдесят тысяч. И теперь мне было бы чертовски невыгодно раскрывать глаза, вылезать из-под одеял и приниматься за приготовление завтрака.

– Какова же ваша система? – спросил Большой Бэрк. – Мы заплатили и желаем знать.

Смок направился к столу.

– Теперь, господа, слушайте внимательно. Эта система не простая. Она едва ли может называться законной, но в ней есть одно большое достоинство: она дает хорошие результаты. У меня явились некоторые подозрения, но пока я еще ничего не скажу. Следите за мной. Пожалуйста, пустите шарик! Видите, я собираюсь выиграть на «26». Я ставлю на этот номер. Приготовьтесь, крупье… Пустите!

Шарик завертелся.

– Вы обратили внимание, – продолжал Смок, – что номер «9» был как раз напротив?

Шарик остановился на «26».

Большой Бэрк выругался где-то в недрах своей груди, и все ждали, что будет дальше.

– Для того, чтобы выиграть на «двойном зеро», необходимо, чтобы «11» было напротив. Попробуйте сами, и вы увидите.

– Ну, хорошо. А система? – нетерпеливо спросил Моран. – Мы знаем, что вы мастер забирать деньги и угадывать номера. Но как вы это делаете?

– Путем наблюдения за последовательностью выигрышей. Совершенно случайно я два раза заметил, что шарик был брошен, когда «9» находилось напротив. И оба раза выиграло «26». Затем я обратил внимание, что это повторилось еще раз. Тогда я стал искать случаи других совпадений и нашел их. «Двойное зеро» напротив дает выигрыш на «32», а «11» дает выигрыш на «двойном зеро». Это бывает не всегда, но обычно удается. Вы обратили внимание, я сказал – обычно? Как я уже говорил вам, у меня есть кое-какие подозрения, но пока что я молчу.

Большой Бэрк, которого внезапно осенило вдохновение, вскочил, остановил колесо и внимательно стал его осматривать. Головы девяти остальных компаньонов наклонились вперед, и все присоединились к изучению колеса. Большой Бэрк выпрямился и покосился на печку.

– Черт возьми, – произнес он, – да тут и не было вовсе никакой системы! Стол стоит возле самой печки, и это проклятое колесо от нагревания затирает. Мы попали впросак. Немудрено, что он так полюбил этот стол. За другим столом он не выиграл бы даже и кислых яблок.

Гарвей Моран облегченно вздохнул и вытер лоб.

– Что же, прекрасно, – сказал он, – в конце концов, нам дешево обошлось открытие, что тут и не существует никакой системы. – Лицо его повеселело, он расхохотался и хлопнул Смока по плечу. – Ну, и поводили же вы нас за нос, Смок! А мы-то из кожи лезли, чтобы сплавить вас! Вот что, я получил настоящее шампанское. Идемте все в «Тиволи», и я его откупорю.

Позже, у себя в хижине, Малыш молча разбирал и взвешивал туго набитые мешки с золотым песком. Наконец он сложил их все на столе и, усевшись на край скамьи, начал снимать мокасины.

– Семьдесят тысяч, – повторил он. – Они весят триста пятьдесят фунтов. И все это благодаря нагреванию какого-то колеса и зоркому глазу. Смок, ты слопал их сырыми, ты слопал их живьем, ты чуть ли не под водой колдуешь, ты довел меня до белой горячки – и все-таки, я уверен, что это сон! Только во сне бывают такие приятные вещи. Мне страсть как не хочется просыпаться. И я надеюсь, что никогда не проснусь.

– Успокойся, – сказал Смок. – Ты и не проснешься. Существует кучка философов, которые уверяют, будто люди всю жизнь проводят в сонных грезах. Ты попал в прекрасное общество.

Малыш встал, подошел к столу, выбрал самый тяжелый мешок и прижал его к своей груди, точно маленького ребенка.

– Пускай я буду лунатиком, – заявил он, – но ты правду сказал, я действительно нахожусь в самом лучшем обществе.

Человек на другом берегу

I

Это произошло прежде, чем Смок Беллью занял анекдотический городской участок возле Тру-ля-ля, проделал историческую спекуляцию с яйцами, которая чуть не съела целиком банковского счета Билла с Быстрых Вод, и вышел победителем из состязания на собаках вниз по Юкону на приз в миллион долларов. Он и Малыш расстались в Верхнем Клондайке. Малыш должен был спуститься по Клондайку в Доусон, чтобы там сделать заявку на несколько участков, которые они заняли.

Смок с упряжкой отправился на юг – разыскивать Нежданное озеро и мифические Два Сруба. Его путь лежал через водоем Индейской реки и через неведомую местность, по горам, к реке Стюарт. Там, по слухам, должно было находиться окруженное зубчатыми горами и ледниками Нежданное озеро, дно которого было выложено чистым золотом. Как говорила молва, золотоискатели-старожилы, имена которых давно были преданы забвению, ныряли в ледяную воду Нежданного озера и выносили оттуда на поверхность золотые самородки. В различные времена отдельные партии золотоискателей проникали за неприступную твердыню и обирали золотое дно озера. Но вода в озере была ледяная. Многие умирали в воде, и их вытаскивали уже бездыханными. Другие умирали от чахотки. Оставшиеся в живых предполагали вернуться еще раз сюда, чтобы осушить озеро, но никто из них не выполнил этого намерения. С ними происходили всевозможные несчастья. Один попал в полынью на Юконе ниже Сороковой Мили; другого растерзали и съели его собственные собаки; третьего раздавило упавшее дерево. Так передавала молва. Нежданное озеро превратилось в место, населенное нечистой силой; никто больше не помнил, как можно пройти к нему, и золото по-прежнему покрывало его неосушенное дно.

Местонахождение Двух Срубов – не менее мифических – указывалось несколько точнее. На расстоянии «пяти ночлегов» от реки Стюарт, вверх по реке Мак-Квещен, стояли два старых сруба. Они были такие ветхие, что, должно быть, их поставили еще до того, как первый золотоискатель появился в бассейне Юкона. Странствующие охотники за лосями, с которыми Смок встречался в пути и разговаривал, уверяли, будто они набрели на эти две хижины несколько лет назад, но напрасно искали те золотые россыпи, которые, по слухам, разрабатывали там прежние искатели приключений.

– Мне хотелось бы, чтобы ты отправился со мной, – задумчиво произнес Малыш, когда они расставались. – Из-за того только, что у тебя в ногах зуд, не стоит ввязываться в разные неприятности. Их не оберешься в этом проклятом месте. А что тут орудует нечистая сила, так это верно, судя по тому, что мы с тобой слышали.

– Хорошо, Малыш. Я немножко проедусь и вернусь обратно в Доусон не позже чем через шесть недель. Путь по Юкону гладок, и первые сто миль или около того по Стюарту тоже, вероятно, укатаны. Старожилы с Гендерсона говорили мне, что несколько саней отправились туда осенью после ледостава. Если я нападу на их след, я буду делать по сорок, а то и по пятьдесят миль в день. Я наверное через месяц уже буду здесь, только бы мне добраться!

– Только бы добраться! Вот это и беспокоит меня. Ну, пока до свидания, Смок. Держи ухо востро насчет нечистой силы – это главное. И не смущайся, если тебе придется вернуться без «медвежатины».

II

Неделю спустя Смок очутился среди беспорядочно нагроможденных горных цепей южнее Индейской реки. На хребте между этой рекой и Клондайком он бросил сани и нагрузил своих собак. Шесть громадных собак понесли каждая по пятьдесят фунтов, и на спине Смока была точно такая же ноша. Он шел впереди по рыхлому снегу, утаптывая его лыжами, а за ним вереницей пробирались собаки.

Он полюбил эту жизнь, эту суровую полярную зиму, молчаливую пустыню и беспредельные снежные пространства, по которым еще не ступала нога человека. Кругом возвышались ледяные вершины гор, безымянных, не нанесенных на карты. Его глаз ни разу не уловил и следов дымка, поднимающегося в неподвижном воздухе долин от охотничьего лагеря. Он шел один среди задумчивого покоя нетронутой пустыни, и одиночество не тяготило его. Он любил все это – и тяготы трудового дня, и грызню собак, и приготовления к ночлегу в долгие сумерки, и мерцание звезд над головой, и пышное зрелище северного сияния.

В особенности же он любил свой лагерь к концу дня; в нем он видел картину, которую мечтал когда-нибудь написать и которую, он знал, никогда не забудет – утоптанная площадка в снегу с разведенным костром; несколько одеял из заячьих шкурок, брошенные на только что срубленные ветви; натянутый кусок парусины, задерживающий и отбрасывающий назад тепло от костра; почерневший кофейник и котелок на длинном шесте; мокасины, развешанные на жердях для просушки, лыжи в снегу острием вверх, и сквозь пламя костра – собаки, льнущие к теплу, голодные и алчные, лохматые, покрытые инеем, с пушистыми хвостами, которыми они заботливо прикрывают себе лапы. А кругом – оттесненная назад стена сплошного мрака.

В такие минуты Сан-Франциско, «Волна» и О’Хара казались бесконечно далекими, затерявшимися в незапамятном прошлом тенями несбывшихся снов. Ему с трудом верилось, что он когда-то знал иную жизнь; и еще труднее ему было примириться с мыслью, что он когда-то прозябал и болтался среди богемы в городской суете. Один, среди снегов он много размышлял, и мысли его стали глубже и проще. Его приводила в ужас никчемность городской жизни, дешевая философия книг и школ, рассудочный цинизм артистических студий и редакций, лицемерие дельцов в их клубах. Все люди, живущие в городской суете, не знали как следует ни вкуса пищи, ни настоящего сна, ни ощущения здоровья; им не были знакомы ни томления настоящего аппетита, ни чувство здоровой усталости, ни бушевание кипучей сильной крови, пощипывающей после работы все тело, точно вино.

Этот чудесный разумный спартанский Север существовал во все времена, и он не знал этого. Он не мог понять, каким образом он, обладающий внутренним чутьем, ни разу не слыхал его призывного шепота, не отправился на его поиски.

– Понимаешь, Рыжий, я все-таки вырвался на свободу.

Собака, которую он позвал, подняла сначала одну переднюю лапу, потом другую – быстрым, точно успокаивающим движением снова закрыла их своим пушистым хвостом и усмехнулась ему сквозь пламя костра.

– Герберту Спенсеру было около сорока лет, когда он понял вдруг, чего он хочет и где цель его жизни. Я не так тяжел на подъем. Я не стал ждать и тридцати, чтобы понять себя. Здесь как раз я нашел свою цель и свое призвание. Мне почти хотелось бы, Рыжий, родиться волчонком и быть братом тебе и тебе подобным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.